

CBC

Синдром внезапной смерти

Бабулин Константин Леонидович

СВС (Синдром Внезапной Смерти)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21588178

Аннотация

События этой книги предшествуют событиям "Третья жизнь кошки", но несмотря на это, книги можно читать отдельно друг от друга. Большинство персонажей это реально существующие люди, и большинство событий были на самом деле. Всем любителям арт детективов читать будет интересно.

СВС

(Синдром Внезапной Смерти)

Бабулин К.Л.

2016 г.

СВС

Синдром внезапной

Кабинет владельца частного детективного агентства

Он нажал кнопку громкой связи.

– Да, Виктор Михайлович.

– Светочка, позовите ко мне Танич.

– Хорошо.

Секретарша отключилась, а Виктор Михайлович, задумчиво, посмотрел в окно просторного кабинета. Он любил свою работу, в которой многого добился, любил свой кабинет с прекрасным видом на Москва – реку, любил коллектив своей фирмы, хотя и устраивал ему периодические разносы, потому что разносы эти он тоже любил. Он был дисциплинирующим фактором здесь, и он был здесь нужен, а он любил чувствовать себя нужным. Но иногда, вот как сейчас, накатывала какая-то мутная волна плохого предчувствия, как бы, ни с того, ни с сего. – «Давление что ли меняется? Нет, небо чистое... Да ладно, чего лукавить себе? Причём здесь погода?». – Дело не в погоде и не в давлении, а в просьбе старого сослуживца, которую он только что услышал по телефону. Простая просьба, стандартная, а сердце заныло – предчувствие, или интуиция, а может опыт, посылали ему отчётливые сигналы тревоги. – «Эх, сидеть бы сейчас на даче...»

На столе ожил селектор внутренней связи

– Да, Светочка

– Танич пришла

– Спасибо, пусть заходит.

Открылась дверь и в кабинет вошла невысокая складная женщина, лет тридцати-тридцати пяти. Как всегда, в сером деловом костюме, строгая юбка ниже колен, и строгий аккуратно застёгнутый пиджак. Никаких ярких деталей ни в одежде, ни в макияже (если он вообще был). Не красавица, но и не дурнушка, таких тысячи, пройдёт мимо и через пять минут, ты уже не сможешь её описать. Какая фигура, какое лицо, приметы, возраст? Ничего. Странно? Нет, не странно, таким и должен быть агент под прикрытием. Но служба уже в прошлом, как и у всех, кто здесь работает, а привычка быть незаметной осталась. Интересно, какая она дома? Он попробовал представить её в домашнем халате и не смог.

– Вызывали Виктор Михайлович?

– Да, проходи, садись.

Татьяна села напротив стола начальника, в свою очередь, рассматривая его – Плохо выглядит. Расстроен чем-то? Да, расстроен или озабочен. Интересно. Секретарша, сказала, что не в курсе зачем вызывает. Новое задание, или нет? С таким выражением лица новые задания не дают... Не уволить же он меня собрался...

– Отдохнула уже?

– Да, всё в порядке.

– Я слышал, вчера Трошин к тебе приходил. Зачем интересно?

– Сказать спасибо.

– И всё?

– И всё.

– А я думал, опять, уговаривал вернуться в управление.

Смотри-ка ты, ожил. И, даже, повеселел слегка. За этим, что ли позвал? Из-за Трошина? Нет, не из-за него. Так он, очевидно, к главному подступает. Не знает с чего начать. Что ж за задание такое, что требуется вступление?

– Ты им дело раскрыла, а они – «спасибо». Спасибо на хлеб не намажешь... Ну да ладно. Вот что я хотел сказать тебе, вернее рассказать. Даже скорее посоветоваться. Звонил мне, только что, старый сослуживец, с просьбой помочь в одном странном деле. У небезызвестного генерала ФСБ погибла или умерла, это уж как трактовать, единственная дочь. Обстоятельства смерти непонятны, хотя всё снято на видео камеру. Она плавала в бассейне в их загородном доме, потом вышла, вытерлась, легла в шезлонг и умерла. Всё. Ни следствие, ни вскрытие не прояснили ситуацию. Причин для смерти нет. Не было ни угроз, ни вредных привычек, ни сомнительных знакомств, и со здоровьем, тоже всё было в полном порядке. Со всех сторон всё хорошо, однако она легла и умерла. Официально всё закончилось, состава преступления нет, дела нет. Но. – Он сделал многозначительную паузу – Папа есть папа и он хочет знать причину смерти дочери. Поэтому обратились к нам. Более того, мой сослуживец, сказал, что нужна именно ты. – Он сделал ещё одну многозначительную паузу – Сказал, что у тебя уже был опыт расследования странных случаев. Так?

Наступила третья, почти театральная пауза, во время которой Татьяна обдумывала услышанное, а Виктор Михайлович пытался угадать её реакцию: – Сразу пошлёт к чёрту, мол, с ФСБ лучше не связываться или начнёт волынить? Если пошлёт к чёрту (а я бы точно послал), то какие у меня варианты, кому тогда поручить? Вариантов-то и нет... – Слава Богу эти размышления прервала сама Татьяна.

– Всё это очень странно... – наконец заговорила она. – Чтобы генерал ФСБ не сумел выяснить, что случилось с его дочерью... Может быть, не захотел? Или, ещё хуже, здесь есть какое-то второе дно, о котором вам не рассказал сослуживец. Какие-то внутренние тёрки, влезать в которые, очень опасно, всегда себе дороже выходит. Что касается меня, то никаких особенных дел я что-то не помню, всё как у всех.

– Ну не как у всех, не прибедряйся. Раскрываемость у тебя была будь здоров, прозвище ТТ, абы кому не дают. Почему ты уволилась, кстати? Перспектива роста, была отличная...

– Надоело, устала. Что касается прозвища ТТ, то это не название пистолета, как некоторые трактуют, это инициалы от Татьяны Танич.

Темнит, не хочет говорить. В который раз уже, не идёт на разговор об уходе из органов. Попытка выяснить причины увольнения через знакомых, в своё время, тоже ничего не дала – все, в один голос, в недоумении. Всё шло прекрасно, показатели одни из лучших, да что там – лучшие, и прозвище ТТ появилось как аналогия с пистолетом у которого отлич-

ная кучность стрельбы. И вдруг хлоп, заявление на стол. И никакие уговоры не помогли, да и уговаривать было некого, она, молча, положила заявление и ушла. И не просто ушла, а пропала на два года. Где была не известно. Потом без звонков, появилась в этом кабинете, с вопросом нужны ли сотрудники. Такие – всегда нужны. Даже раздумывать не стал, сразу отправил в отдел кадров. Более того уже несколько раз предлагал ей стать замом, всерьёз рассматривая её, на замену себе в перспективе. Но она, пока, отказывается, отшучиваясь, что не управится с большим мужским коллективом. Ха, ещё как управится, и уже управляется, чуть у кого проблемы бегут к ней, а не ко мне, как к маме, за советом или за помощью. Да, дела, но про фэсбэшника – точно. Если при его связях ничего не выяснили, то как сможем помочь мы?

– Тут ты права, если не справился папа, при всех своих возможностях, то чего он ждёт от нас? Скверное задание, но дело в том, что отказать в помощи я не могу. Они выбрали правильного человека, через которого обратились. Есть должок с моей стороны. Так что придётся тебе этим заняться.

– Надо так надо, это же не бесплатно? По хорошему, за вредность от общения с их братией, с них нужно брать по повышенному тарифу.

– Да, надо бы, конечно, только ничего они не заплатят ни по повышенному, ни по обычному, но это уже не твоя забота. За свою зарплату не переживай, а я с ними разберусь, потом. Вот тебе телефон помощника фэсбэшника, позвони ему, он

должен помогать в оргвопросах. Попробуй разобраться, что там случилось. Меня держи в курсе расследования. Если почувствуешь опасность – не гусарь, бросай всё нафиг, и дуй сразу сюда.

– Поняла.

– Ну гуд, действуй. Накладные расходы, спец оборудование, дополнительные люди, если нужно – всё в рабочем порядке.

– Есть. Разрешите идти?

– Да.

Татьяна, легко поднялась и вышла из кабинета.

Татьяна Танич

Какая-то ерунда, здесь не сыщиков нанимать нужно, а врачей трясти. Так просто не умирают, молодые и здоровые люди. От того что врачи не могут поставить диагноз, не значит, что его нет. Также в приоритетном порядке нужно отработать версии связанные с наркотиками, или ядом... А почему нет? Если использован какой-нибудь экзотический яд, то его и не найдут, тут знать нужно что искать. Другой вопрос зачем бы это травить девочку экзотическим ядом? Ну как вариант, такое своеобразное послание папе...

В коридоре навстречу попался озабоченный Володя Васильев:

– Танич, здороОво, я как раз к тебе шёл. Сильно занята?

–Привет Володя, да, есть новое задание. А что?

– У меня угон в Западном округе, нужна помощь. Ты в УВД на Мосфильмовской знаешь кого-нибудь?

– Знаю, начальник там Фомичёв – говно редкостное.

– Это я тоже уже знаю, поэтому и спрашиваю.

– Понятно.

Татьяна достала телефон и стала искать нужного человека. Нашла, нажала кнопку вызова и, подмигнув Володе, обратилась к невидимому собеседнику.

– Игорь, привет это Танич. Да, да жива-здорова. Ты сам-то где сейчас всё там же на Мосфильмовской? А когда перевёлся? Фомичёв достал? Понятно, что-то возглавил? Понятно, поздравляю. – Володя с надеждой слушал разговор, и в очередной раз, удивлялся манере общения Танич. В нём не было никакой сюсюкающей нотки, свойственной женщинам, когда они что-то просят у дальних знакомых, ни тени на флирт или что-то в этом роде. Всегда всё по-деловому, четко, и даже слегка с высоко, как будто, там, куда она звонит, только и ждут, как бы ей помочь. И самое интересно, что это так и есть, всегда после её подключений везде зелёная улица – да... с большими возможностями наша Танич. – Посоветуй к кому там обратиться за помощью. Мы сейчас по угону работаем в ЗАО, Фомичёву звонить, как ты сам понимаешь, бессмысленно. – Она показала жестом дать ей ручку и бумагу. – Записываю, поняла. На тебя можно сослаться? Спасибо.

Татьяна записала на клочке бумаги имя и телефон, и отдала Владимиру.

– На, скажешь, что от полковника Селиванова Игоря Сергеевича.

– Ого, ну с меня магарыч. Спасибо огромное. – Володя восторженно взял листочек с телефоном, – Как у неё так ловко получается? А с другой стороны, взять хоть меня, уж столько раз выручала, что стоит ей попросить о чём-то – в лепёшку расшибусь, а сделаю.

– Пока не за что благодарить, давай действуй – успехов.

Татьяна зашла в свой кабинетик и стала прикидывать с чего начать странное дело. – Вначале затребовать все материалы следствия, а потом навести справки о фэсбэшике или наоборот? Лучше, наверное, вначале навести справки о том кто он и что вокруг него творится, а потом ввязываться. Потому что, если начать с помощника, взять материалы следствия, засветиться рядом со всем этим, а потом выяснить, что от генерала нужно держаться подальше – отыгрывать назад может оказаться сложно. Но и затягивать с выяснениями нельзя. Когда это случилось, кстати? Время сейчас работает против меня, с каждым днём шансов отыскать какую-нибудь мелочь, которую никто не заметил, всё меньше.

В кармане зазвонил телефон, она достала его и посмотрела на номер. Странно неизвестный какой-то, кто бы это?

– Алё.

– Это Татьяна Николаевна Танич?

– Да, с кем разговариваю?

– Это помощник генерал полковника ФСБ Рыкова. Меня

зовут Андрей, вас должны были предупредить по какому вопросу.

– Да, да. Я уже в курсе, одну секунду – Татьяна взяла бумажку с контактами, которую ей дал шеф и сверила с высветившимся номером на смартфоне, сошлось. – Да готова, слушаю.

– Когда Вы планируете приступить?

– Да, я уже приступила, сию, намечаю первоначальный план действий и первым пунктом в нём – изучение всех материалов следствия, включая видеозапись смерти.

– Хорошо, это можно организовать.

– Отлично, дайте мне свою электронную почту и я вышлю список того что мне нужно. Записываю. Секунду ручка перестала писать.

Татьяна бросила ручку в корзину для мусора и стала рыться на столе в поисках другой. Нашла, потянулась за ней, но та, как на зло, скатилась на пол. Чертыхнувшись, она наклонилась с телефоном у уха, подобрала ручку, а когда вынырнула из под стола, обнаружила, что перед ней, стоит эффектная блондинка.

– Здравствуйте, я ищу госпожу Танич. Мне сказали, что...

В этот момент блондинка остановилась на полуслове и несколько секунд, с удивлением, смотрела на Татьяну

– Вы?

Татьяна, сильно смутившись, автоматически ответила:

– Да, это я. – потом спохватилась, и продолжила говорить

уже в трубку – извините Андрей это я не вам. Я записала почту, и постараюсь всё прислать сегодня.

Пока говорила, показала неожиданной посетительнице на стул, приглашая её сесть, но та не стала этого делать, продолжая стоять и, с удивлением, рассматривать Татьяну. Танич тоже не отрывала взгляд от посетительницы, и заметив, что она не садиться, встала со своего стула, продолжая держать трубку у уха, очевидно, забыв о ней. Так они стояли несколько секунд, пристально рассматривая друг друга, пока посетительница, спохватившись, вновь не повторила свою просьбу:

– Я ищу госпожу Танич

– Здравствуйте госпожа Артёмова, я и есть Танич.

– Вы?

– Да, я.

Два месяца назад Танич

– Она хоть красивая?

– Судя по фотографиям, да, очень. А, какая ещё, может быть жена у олигарха?

– Старая, например. Сам крутит с молоденькими моделями, с женой, при этом, не разводится, да ещё ревнует её в придачу. Потому что запахло ему, видите ли, что старая жена может гулять от него красавца на сторону.

– Это да, только мне слово старая не нравится. Лучше говорить первая.

– Лучше, согласен, но сути не меняет

– Ещё как меняет, не спорь.

– Вы на себя что ли примериваете? Это зря, вы ещё...

– Сергей повернул голову к Татьяне, собираясь сказать какую-то шутку, но столкнувшись с её серьёзным взглядом, тут же передумал.

– Правильно старлей, лучше не отвлекайтесь от работы.

– Ну а зачем сразу, так официально? Я ничего такого сказать не хотел.

– И это тоже правильно. Ну что, закрепил?

– Да.

Сергей закончил прикреплять миниатюрную камеру, к стволу дерева, которое, очень кстати, росло напротив подъезда олигарха Артёмова. Сергей и Татьяна, в робах озеленителей, абсолютно естественно вписывались в ландшафт, и, если смотреть со стороны, занимались уходом за группой деревьев, не привлекая ни чьего внимания. Татьяна достала из ведра с инструментами небольшой приборчик с экраном и стала проверять точность направления камеры.

– Да, отлично. Вот эту ветку подрежь немного и порядок.

– Я, всё-таки, не понимаю, зачем мы здесь её ставим? В доме наверняка полно камер, и в подъезде, и в квартире. Тут он и сам всё видит, да и жена, наверное, в курсе. Что она дура, что ли сюда любовников водить?

– К камерам в доме нам доступ не дали, а я хочу знать, что на самом деле происходит, и не со слов ревнивого мужа.

Татьяна ещё раз проверила обзор камеры.

– Всё, здесь закончили, пометь в графике и каждые два дня, как штык меняешь здесь батарейку, и скачиваешь видео. Сейчас едем к мастерской Артёмовой, а потом я хочу ещё успеть на Рублёвку, к их загородному дому.

Сергей присвистнул

– Может быть на Рублёвку завтра? Уже три часа дня, будет совсем поздно, а в мастерской работы много, там за десять минут не управимся.

– А тебе-то что? На свидание что ли опоздаешь?

– Типа того...

– Эка важность... Предупреди, что на работе задержишься и всё.

– Предупреди... – Сергей замялся. – Легко сказать...

– Что я слышу? Что за неуверенный тон? За тобой должны девчонки бегать, а не ты за ними. Хочешь, я позвоню ей, как твой начальник и объясню, что ты на важном задании?

– Ещё чего, это называется «Пусти козла в огород», сам разберусь.

– О-о. Она у тебя «Би» что ли?

Вопрос застал парня врасплох, он покраснел, и стушевался.

– Нет, нормальная. – Осёкся, понял, что сказал, и покраснел ещё больше. – Извините, в смысле не «Би»

– А чего тогда? Мне натуралки не нужны, не переживай, да я к тому же старая.

– Ну хватит уже, я не знал, что вы такая злопамятная то-

варищ майор.

– Я не злопамятная, но как говорят в таких случаях: – просто я злая и память у меня хорошая.

Они подошли к машине, загрузили в багажник инструменты, и туда же бросили роботы озеленителей. Татьяна посмотрела на своего помощника, и опять сделала строгое лицо.

– Давай за руль, но не лихачить, ты уже не на службе, и объясняться за тебя, каждый раз, с гайцами мне надоело.

Сергей понял, что начальница не держит на него зла, и позволили себе немного пококетничать:

– Ладно-ладно, поедем аккуратно, но быстро.

Через полчаса они уже парковались возле здания на Вавилова, где располагалась мастерская жены олигарха Артёмова. Это был многоэтажный дом, построенный в позднее советское время специально для художников. Состоял он из просторных двухуровневых студий, с огромными панорамными окнами.

– Странно, почему она здесь арендует студию, а не сделала себе где-нибудь за городом? Деньги, наверное, есть для этого?

– Да, хороший вопрос, действительно местечко, скажем так, непрезентабельное. – Татьяна достала телефон и позвонила руководителю мобильной группы. – Володя, это Танич. Мы подъехали к мастерской. Сколько у нас времени?

– Часа два точно, круглый стол только начался. Артёмова

сидит в президиуме в качестве докладчика. Кроме неё там ещё восемь человек, так что время у вас есть.

– Отлично, мы заходим. Что они там будут обсуждать хоть?

– Какую-то ахинею. Тема круглого стола: – «Как опознать современность в современном искусстве?»

– Чушь какая-то... А что вокруг Артёмовой?

– Народу толкается много, с некоторыми лёгкие поцелуйчики и обнимашки, но всё это несерьёзно. Она держит дистанцию, даже физически. А то, что чушь будут обсуждать это точно. Например, тут есть одна картина, которую я бы картиной не назвал. На белом холсте написана фраза, что «Эту картину художник написал собственной кровью». И всё, представляете?

– И что, правда, кровью написана?

– Не знаю, но похоже на то...

– Ну держись там и не отвлекайся на ерунду, смотри за объектом.

– Понял, понял.

– Всё отбой.

Татьяна и Сергей, в робах электриков, миновали пустой, захламлённый холл, потом поднялись на таком же грязном лифте на последний этаж и вышли в захламлённый коридор.

– Ну и ну, жуть какая. Здесь не мастерские художников, а какая-то общага, похоже. У кого-то вон кислые щи убежали и уже давно, воняет как в плохой столовке. Почему здесь

такой срачь?

– А что, у вас в отделении, лучше что ли было?

– Лучше конечно.

– Да ладно, а не от вашего ли отделения гуляло видео по интернету, как из кабинета в коридор вышел мужик в одних трусах и помочился на пол? И это в разгар рабочего дня, хорошо хоть в коридоре, в тот момент, не было никого.

– Да у нас, но это всё-таки исключение из правил, и потом...

– Всё пришли, вот дверь её мастерской. Какие идеи, как будем открывать?

– Да, дверь приличная. А Замки? – Сергей со знанием дела принялся изучать дверь и замки. – Чиза, ну Татьяна Николаевна, засекайте время. Если не управлюсь за три минуты – неделю не буду превышать скорость.

Через десять минут бесполезных попыток открыть дверь с помощью набора воровских отмычек, у Татьяны закончилось терпение.

– Всё хватит, ты уже на три недели спокойной езды наработал, так и круглый стол закончится.

– Тут обманка, нашлёпка «чизовская», а замок, похоже, финский, да к тому же из редких, тут придётся повозиться.

– Не нужно. Учись старлей, как не делать бесполезную работу.

Она достала из кармана связку ключей и, отодвинув, Сергея в сторону, спокойно отперла замок. Дверь мягко откры-

лась и они вошли в мастерскую.

– Так не честно, почему сразу не открыли?

– Зато ты получил опыт, который показывает, что лишний выпендрёж, чаще всего, бывает не на пользу.

– Где же вы взяли ключи? Вчера в офисе Артёмова стащили? Он же только наружкой сказал ограничиться.

– Как не стыдно? Стащила... Не стащила, а взяла, у его начальника охраны, с которым знакома ещё со службы. Почему он мне не отказал?

– Да, Вам никто не отказывает.

– А почему?

– Вы легенда.

– Сам ты легенда, сволочью не нужно быть и всё. Так, хватит болтать, записывай где мне нужны камеры... И о том что мы их тут ставим – никому ни слова. Понял? Для всех мы ставим только наружку.

– Понял, понял не дурак.

– Всё работаем.

На следующий день в кабинете у Виктора Михайловича.

– Докладываю: Организованы две мобильные группы, по два человека в каждой. Наблюдение круглосуточное, потому что Артёмова иногда работает по ночам. Ну, то есть декларируется, что работает, а что на самом деле делает, посмотрим. Также установлены камеры перед всеми объектами где она бывает: перед квартирой в Москве, где живет, перед кварти-

рой мамы, перед мастерской и перед двумя загородными домами Артёмова. Во всех этих точках только на улице, потому что есть пожелание клиента ограничиться наружным наблюдением. Очевидно, во всех этих домах есть камеры и так, но нас туда пускать не хотят. Сами справляются. Начальник охраны Артёмова, Александр Демченко, мой старый знакомый. Я говорила с ним о ней и у него полная уверенность, что никаких любовников нет. Зачем наняли нас ему не понятно, возможно чтобы проверить, вернее, подтвердить, его слова. Ну, проверим. Со слов охранника отношения между супругами прохладные, но они и сразу такими были. Так что ситуация немного странная, зачем им понадобилось оформлять официальные отношения – вопрос. Ну ей понятно, закрыть финансовые проблемы, у неё мама была больна раком и требовалось лечение в Германии. Сейчас мама уже года два как умерла, а брак длится по инерции. Впрочем, возможно, что помеха разводу некий брачный контракт, по которому, если инициатор развода Артёмов, он должен выплатить супруге приличную сумму денег, кроме случаев связанных с изменой. Возможно, сейчас он эти «случаи» решил найти и, если их нет (что странно конечно, как у такой красивой женщины нет никакой интрижки?), то эти «случаи» будут сфабрикованы. Вот тут мы с вами и понадобится.

– Да, похоже на то. Сколько они женаты?

– Четыре года.

– Детей нет?

– Нет, совместных детей нет, хотя у самого Артёмова есть, трое от первого брака. У художницы этот брак первый и своих детей нет. То, что она не родила от Артёмова странно, потому что первое, что делают молодые жёны, это рожают, пытаясь таким образом закрепить ситуацию.

– Да, согласен.

– Ну, наше дело телячье, раз заказчик просит порыться в грязном белье, значит пороемся. По первым дням наблюдения – ничего особенного. Она живёт по обычному расписанию. Утром пробежка в парке, потом фитнес зал, потом мастерская и, чаще всего после этого, – домой. Муж дома бывает редко и, есть ощущение, что верностью себя сильно не обременяет, но это не наше дело, естественно. Художницу это не сильно напрягает, да и вообще её мало что напрягает вокруг, она, действительно, увлечена своим делом. Так что у меня есть сомнения, что мы оправдаем надежды Артёмова. Завтра я сама похожу за ней хвостом, а там посмотрим.

– Понятно, действуй.

Наше время кабинетик Танич

– Вы Танич? Вы следили за мной по заданию мужа? И в фитнес клубе, тоже?

– Да.

– А где ещё?

– Госпожа Артёмова, вообще-то это служебная тайна и я ничего не должна Вам рассказывать.

– Конечно, конечно, и я не за этим пришла. Просто я не

ожидала, что это Вы. Я хотела по благодарить Вас, я за этим и пришла, чтобы по благодарить... Я не хотела ставить Вас в неловкое положение, я... Ох я запуталась, извините. Но я Вам очень благодарна за спасение. Несколько дней, что я находилась под подозрением... это было ужасно. И такое впечатление, что все даже обрадовались, этому несчастью и обвинениям ко мне. Вы единственная кто ... кто пришёл на помощь. Я хочу вас отблагодарить. Я, некотором образом, обеспеченный человек теперь. Чем я могу...

– Ничем, не волнуйтесь. Вашего спасибо – достаточно.

Они пристально смотрели друг на друга, а в воздухе витало что-то недосказанное, точнее, невысказанное. Обоим стало жарко, в маленьком кабинетике, но они не обращали на это внимание.

Зачем она пришла? Дать мне денег? Какой облом, но ведь пришла. Сама пришла, не зная, кто я и что я. Может быть, это судьба привела её ко мне? И что теперь делать? Вот она сидит напротив, красивая, сексуальная и притягательная. Взять да и сказать ей, что она мне нравится. Что будет делать? Как она к этому отнесётся? К сожалению, за несколько недель наблюдения за ней, я так и не поняла, что она из себя представляет. Удивительно, но факт – она, находясь под круглосуточным наблюдением, ухитрилась остаться загадкой, эдаким чёрным ящиком, в котором, я только догадываюсь, что находится. А не выдаю ли я желаемое за действительное, при этом? Вполне может быть, что мои догадки,

это только мои догадки и не более того. И это проблема. Хотя, само наблюдение, доставило мне много удовольствия, да именно удовольствия, и если уж совсем откровенно – сексуального удовольствия. К сожалению, это не снимает вопрос – что будет, если я скажу ей, что я лесбиянка. Брезгливо поморщится? Особенно если узнает, что я наблюдала за ней в её самые интимные моменты. Что она скажет, если узнает, что я получала оргазм, наблюдая на ней, и вместе с ней? Бог мой, да у меня сердце сейчас выскочит, только от того что я стою и смотрю на неё, наверное, сквозь пиджак видно как оно бухает.

– А мне не достаточно, «спасибо». Я ... – она запнулась, подбирая нужные слова, и оглядела комнату. – Здесь очень жарко и неудобно, мне нужно поговорить с Вами. Ещё в фитнесе я хотела с Вами познакомиться, но Вы не появлялись там последнее время, теперь понятно почему, о-о-о боже, я не об этом хочу... Можно я приглашу вас куда-нибудь вечером? Что вы делаете сегодня или завтра? Не отказывайтесь, прошу вас. Даже если профессиональные правила запрещают Вам общаться с... с.. клиентами... Я ведь уже не клиент?

– Нет, вы уже не клиент. Давайте сходим, куда-нибудь, здесь действительно неудобно. Можно и сегодня.

Это она меня на свидание приглашает, а я сижу, волнуюсь что ли? Ух, как девочка, честное слово. Почему язык-то еле двигается? А ноги, почему ослабли? Вот блин, мне сколько лет?

– Отлично, я знаю один приличный ресторанчик, давайте я заеду за вами вечером. Сюда удобно за Вами приехать после работы?

– Да, вполне удобно.

– Во сколько вы заканчиваете?

– Сейчас уже четыре, мне работы ещё часа на три, давайте к 19-00.

– Отлично, договорились.

Она поднялась и ушла, но остался запах её духов и приятная истома. Вот это да... Свидание, ну надо же. Или нет? Или это просто вежливость? Ну началось..., хватит анализировать и копаться. Ты довольна? Да. Ну и хорошо. Расслабься, давай за работу. А вдруг она предложит после ресторана поехать к ней? О, как сердце прыгнуло. Я готова к такому повороту, какое на мне бельё, кстати? Черный бюстгальтер и трусики, вполне приличные сойдёт, домой переодеться всё равно не успею. Боже что за мысли лезут? А если не предложит, мне самой предложить? Стоп, стоп, хватит фантазий, нужно отправить письмо ФСбэшнику...

Реставрационная мастерская два месяца назад.

– Как дела Семён Яковлевич? Двигается картина?

– Да, конечно, всё в полном ажуре. Вот полюбуйтесь.

Семён Яковлевич, седой интеллигентный еврей, профессорского вида (ну а какого вида ещё бывают интеллигентные седые евреи?) провёл Светлану Халитову в дальней угол просторного зала, и показал картину примерно 40 на 70 сан-

тиметров, на которой был изображен пейзаж среднерусской полосы. Светлана стала внимательно осматривать её и особенно место подписи.

– Да, прыдок. А через микроскоп?

– Пожалуйста, любое увеличение.

Он взял картину и перенёс её под микроскоп на соседнем столе. Включил свет и, немного повозившись с настройками, освободил место Светлане. Та, не садясь, наклонилась к окулярам микроскопа и через несколько секунд, удовлетворённо, сказала.

– Комар носа не подточит, подпись безупречно разорвана вместе с кракелюром. Поздравляю, то, что надо. Могу забрать?

– Да, можете забирать, всё готово.

– Что у нас ещё?

– Вторая работа сейчас у Тархановой, но она опять отвлеклась на какие-то дела, так что тут есть задержка. Тем не менее, и у неё работа почти закончена и, я думаю, к концу недели будет готова.

– Да я в курсе дел Лены, с этим ничего не поделать, ей иногда приходится отвлекаться.

– Да, да я понимаю, но дело даже не в этом, а в том, что она очень талантливый художник и в каждой её работе я вижу её руку, её талант, её темперамент. Это трудно объяснить, и на самом деле, к качеству её работы претензий никаких нет, но её мощная индивидуальность проявляется во всём.

– И что? Договаривайте до конца.

– А то, что ЭТО, в конце концов, победит её, и она займётся своим творчеством.

– Семён Яковлевич, что за еврейская манера ходить вокруг да около? Я вижу, у Вас есть какое-то предложение. Давайте выкладывайте.

– Эх, молодёжь, сразу всё подавай, без подготовки. В моё время, так дела не делались... Если хочешь добиться положительного результата в переговорах с евреями, нужно вначале поговорить о семье, о детях. Узнать, хорошо ли Сарочка учиться в школе, или успевает ли Аркашенька заниматься на скрипке, и учить английский. Потом обязательно справиться о здоровье мамы и пожелать ей долгих лет, потом... – Семён Яковлевич посмотрел на Светлану, и понял, что рассказать о кулинарных рецептах мамы, уже не получится... – Хорошо, хорошо вот посмотрите.

Он подвёл Светлану к своему рабочему столу и взял с него одну из папок.

– Сейчас я покажу Вам несколько рисунков, а Вы попробуйте узнать художника. – С этими словами он открыл папку и достал из неё с десятков карандашных рисунков, которые разложил веером, поверх других бумаг на своём столе.

– Ни чего себе, да это же Филонов. Быть не может...

Светлана взяла один из рисунков и стала внимательно его рассматривать.

– Без вопросов это Филонов, один в один. Удивительно

филигранная работа, я бы даже сказала – безупречно. Но есть два недостатка. Первый – это выполнено на современной бумаге, а второй – все рисунки Филонова известны, поэтому даже, если бы эти были сделаны на старой бумаге, выдать их за оригиналы всё равно не получилось бы. Все картины и рисунки Филонова находятся в «Русском музее» в Питере, куда их передала сестра художника, это известно всем. Сам художник за всю свою жизнь не продал ни одной работы, и не потому что не мог, а потому что не хотел и это тоже всем известно. На руках вне музея имеется толи восемь, толи одиннадцать рисунков, я не помню точно, и с ними связана мутная криминальная история, начавшаяся ещё в 1974 году, но точно то, что и эти рисунки тоже известны. Так что подделывать, что бы то ни было, под Филонова не имеет смысла – всем всё известно.

– Это понятно и я не для работы эти рисунки показываю, а в качестве образца, показать, что может сделать одна из моих студенток. Эти рисунки сделала Любочка Воронина, студентка третьего курса, после поездки в Питер. В Питере она вместе с группой однокурсников посетила Русский музей и слушала лекцию о гении Филонова. После чего, под впечатлением от его картин, нарисовала эти шедевры. Они не срисованы, они из головы.

– Этого не может быть.

– И однако, это есть. Перед нами гений или феномен, это уж как угодно. В плане собственных идей у Ворониной пло-

хо, а вот если она увлекается каким-то художником, то ухитрится полностью вжиться в его манеру и, что гораздо важнее, в его идеи. И она способна создавать новое в стопроцентной манере художника. Вот, сами видите, сложнее Филоновских рисунков трудно что-то представить.

– Потрясающе, и Вы клоните к тому, что она нам нужна в качестве замены Тархановой?

– На перспективу да, и не в качестве замены, а в качестве хорошего дополнения. К тому же, пока речь идёт, только о рисунках, с живописью всё сложнее. Но если талант есть, то развить его дело техники и желания. Желание у неё точно есть, она из простой семьи, пришла действительно учиться, а не валять дурака. При этом не красавица и с личной жизнью у неё, тоже не ахти. Надеяться ей не на что и не на кого, и как бы цинично это не звучало, всё это нам на руку.

– Мне нужно на неё посмотреть.

– Вот, к этому я и клоню, а то «выкладываете сразу, не тяните», тут обстоятельно нужно всё обдумать, и взвесить. Через неделю на их курсе должен был быть семинар о менеджменте, но лектор, на которого мы рассчитывали, не сможет прийти. Свинство, конечно, но спасибо хоть, заранее предупредил. Вот Вам бы там выступить и, заодно, присмотреться к Ворониной? Там бы, аккуратненько, и поговорить с ней в перерывчике, по душам. А?

– Так вот в чём дело... Вся эта история, только для того, чтобы сагитировать меня провести семинар?

– Нет, ну что Вы, просто так получается...

– Ладно, ладно, не выкручивайтесь, хорошо. Я приду. Что касается Тархановой, Вы не правы, она отвлекается не от лени или других увлечений. Это обстоятельства так складываются, что кроме неё некому закрывать очень сложные вопросы. Сами знаете, что после смерти моего брата нам пришлось хлебнуть лиха, и если бы не неожиданные таланты Лены, в умении разбираться с наездами на нас. Боюсь, как фирма, мы бы уже перестали существовать.

– Я понимаю, понимаю, но я старый человек и говорю всё как есть без политесов. Вы обе изменились, после смерти Гарика, особенно Леночка. Иногда от её взгляда у меня мурашки по спине бегут, а я много повидал. В далёкие семидесятые, а потом и в девяностые приходилось общаться с настоящими ворами в законе, одного из них по кличке Утюг, как сейчас помню, ой не зря ему эту кличку дали. Так вот уверяю, Тарханова на меня, иногда, нагоняет большего страха, чем они. Не сгореть бы ей...

– Об этом не беспокойтесь, она сильная, да и я рядом. Что касается семинара – есть какие-то вопросы, которые нужно осветить или в свободном стиле?

– Да, есть вопросы, сейчас я их найду. – Он покопался на своём столе, и выудил из бумаг два листочка. – Вот они.

Светлана взяла листочки и пробежала их глазами

– Чушь какая. Какое отношение это имеет к менеджменту? Кто это писал?

– Одна наша сотруди́ница с факультета, но если вы считаете это глупостью, никто спорить не будет, настоящего опыта работы с клиентами, а тем более галерейного опыта работы, у здешних преподавателей нет, поэтому и пригласили стороннего лектора.

– Ясно, я сама подготовлю вопросы и презентацию, которую потом раздадим студентам. Эти листочки можно выкинуть.

– Отлично, спасибо. Вы очень выручите нас.

– Когда и куда приходить?

Через два дня в

МГАХИ им. В. И. Сурикова

В группу сокурсниц врезалась ещё одна подружка

– Девки, слушайте сюда, семинар по менеджменту будет вести не какой-то хрен с горы, а сама Халитова

– А кто это?

– Дура, это же известная галеристка.

Студенты наперебой стали обсуждать услышанную новость:

– Ого, это на неё два года назад покушение было?

– Не на неё, а на её брата и не покушение, а убили.

– Про брата я тоже слышала, но вроде и на неё было покушение

– Ну может быть, только говорят она сама перебила всех бандитов.

– Ну что за чушь? Откуда вы это всё знаете?

К маленькой группе подходили и подходили новые студенты

– Знаю, у меня знакомая в галерее работает, она тогда к Халитовой на собеседование приходила.

– И что? Тай ей сразу рассказала о покушениях на себя?

– Нет, конечно.

– А я слышала, что она красавица и лесбиянка и всё время ходит с отпадной красоты телохранительницей. Интересно, и к нам с ней придёт?

– Ой девки, я уже возбуждаюсь.

– Чо ты гонишь нам? Ты такая же лесбиянка как я балерина – это сказала, здоровенная девица, которой в пору гири тягать. – вот я лесбиянка.

– А чего тебе остаётся-то? С парнями тебе не светит, если только поймать, какого-нибудь заморыша, повезёт в подворотне.

– Что?

– Хватит дурить, одно и то же от вас обеих, отойдите в сторонку и чокайте там друг другу.

– Да ты сама отойди, тоже мне командир...

– Когда семинар будет, я что-то не в курсе?

– Через три дня, после третьей пары в аудитории 42.

– Блин, у меня курсы по вождению будут. Чёрт с ними пропущу. На Халитову нужно сходить.

Деканат три дня спустя

К концу третьего дня учебное заведение бурлило в ожи-

дании Халитовой, желающих попасть на семинар оказалось гораздо больше самых оптимистичных предположений.

Декан факультета живописи Латинский Виктор Максимович, взял чашечку кофе с подноса, приготовленного секретаршей, и с интересом посмотрел на Карташевича.

– Семён Яковлевич, родненький, Вы кого к нам пригласили? Такое впечатление, что к нам едет рок звезда. Мы уже поменяли аудиторию на самую большую, и то не уверен, что все желающие поместятся.

– Я сам не ожидал такого эффекта.

– Я слышал о Халитовой, но не представлял, что она такая известная личность. А уж то, что её наша молодёжь знает, совсем сюрприз. Оказывается, они хоть что-то знают. Как вам удалось её заманить?

– Случайно получилось, встретились в ЦДХ, я её знаю уже лет десять, перекинулись словом, по старой памяти и я ей пожаловался на жизнь, что к студентам толковые и успешные люди из профессии не приходят. А с кого им брать пример? С бездарей что ли? А она, возьми да и согласись прийти к нам на замену.

– Да повезло. А что, правда, на неё было покушение два года назад, как сплетничают студентки?

– Про покушение на неё ничего не знаю. Знаю, что брата её убили, два года назад, но он к антикварному бизнесу сестры не имел никакого отношения. Он занимался строительным бизнесом и успешно, и видимо это кому-то не нра-

вилось.

– Понятно, ну что делать время такое. Ладно, пойду. Нужно ещё кое-что успеть сделать до прихода Халитовой, вот ведь как, и я поддался ажиотажу, интересно.

Семинар Халитова

– Семён Яковлевич, вы же говорили, что будет человек тридцать? А мне кажется, что гораздо больше... Не уверена, что я справлюсь перед таким количеством народа – Светлана, с удивлением, смотрела на большую толпу студентов у входа в аудиторию.

– Вы, оказывается популярный человек, что поделать. Уверен, что справитесь. Они все, уже заранее, в восторге от Вас. Сдается мне, вам и говорить ничего не нужно, достаточно выйти и всё.

– А вдруг наоборот, все ждут от меня каких-то откровений, а я буду рассказывать банальные и прозаические вещи. И кстати, как же мне увидеть Воронину, не говоря о том, чтобы поговорить с ней?

– Что-нибудь придумаем. Сейчас уж делать нечего, давайте начинать.

Светлана прошла сквозь толпу студентов, приглашая всех в аудиторию, поднялась на кафедру, повернулась и молча, оглядела зал. Как ни удивительно, но этого оказалось достаточно, чтобы наступила полная тишина. Она улыбнулась произведённому эффекту, выдержала театральную паузу, и начала.

– Здравствуйте коллеги, спасибо, что собрались в таком количестве и надеюсь, что вам будет интересно. Разговор у нас сегодня, пойдёт о менеджменте, а в менеджменте самое главное общение с клиентами. Как правило, это продажи. Отсюда вопрос, какие способы продаж искусства вообще и живописи в частности мы знаем? Ну, кто мне назовёт способы продаж живописи? Смелее. – Она немного подождала, но тишину не нарушил ни один звук. – Нет идей?

Светлана намертво захватила внимание аудитории. Поразительно, казалось бы, ничего важного ещё не прозвучало, а признание авторитета было настолько сильным, что молодых и задорных слушателей охватила некоторая робость. Она поняла это, и ослабила хватку.

– Тогда подсказываю – один из способов продаж это галерейный способ. Да – да вот так просто. А вы думали я, сейчас, какой-нибудь марсианский назову? Нет, всё просто, потом остановимся подробнее, на тонкостях галерейных продаж, а сейчас перечислим следующие способы. Второй... – она опять посмотрела на аудиторию, втягивая студентов в процесс общения. – Ну как есть идеи? Нет? Второй способ – аукционный. Неожиданно да? – Зал выдохнул, повеселел и включился в совместную работу. Обстановка начала смягчаться, и настроение слушателей, из настороженного поменялось на рабочее. – Ну ладно, идём дальше. Это понятные и всем известные способы, но есть и третий – дилерский. Существует такая группа людей, которая называется – арт ди-

леры. Это люди сами по себе, у них нет картин, и у них нет денег, но. Но у них есть связи. Связи среди потенциальных покупателей, и связи среди галерей. И, конечно, у них есть знания. С одной стороны, они знают кому из богатых покупателей, в данный момент, что нужно, а с другой стороны, хорошо представляют в какой галерее, что есть. Знание, как говорится, великая сила.

Вот, три способа продаж живописи и других нет. У каждого из них есть свои плюсы и свои минусы. Начнём с галерейного способа продаж. Казалось бы, всё понятно – есть галерея, в ней висят картины. Потенциальный покупатель приходит туда, выбирает, и покупает. Так? Нет, совсем не так. Вернее, на дешёвых картинах – да, так. Они и висят на стенах, а вот дорогие картины на стены не вешают. Какие картины считать дорогими? Те, что стоят больше ста тысяч долларов. Следует оговориться, что всё, что я сейчас говорю, относится, в большей степени, к антикварной живописи. У торговли современной живописью, всё немного иначе, но это мы в конце обсудим, если останется время.

И так, что главное для покупателя?

Главное для него то, что он покупает нечто редкое и уникальное, что в общем-то правда. Картина это всегда индивидуальная вещь, за исключением сувенирных поделок, которых полно на Крымской набережной. Поэтому когда покупатель приходит в галерею, он хочет некоторого эксклюзива, и редкости. А то, что висит на стенах месяцами, и не про-

даётся, редкостью быть не может. Поэтому все приличные картины убраны в специальный чуланчик, красиво называющийся – запасник. И когда галерейщик видит, в пришедшем к нему человеке реального, серьёзного покупателя, а у них на это глаз ой, как наметан. Он говорит ему: – «Надо же, как вы удачно зашли. Вот только что принесли очень хорошую и редкую картину, я её даже выставить не успел. А как только выставлю, так её тут же с руками оторвут. Вам повезло, есть возможность всех опередить». – и показывает покупателю картину из запасничка. И всё. Все довольны. Покупатель доволен потому, что ему повезло и он покупает редкую вещь, а продавец доволен потому, что продал.

Аудитория слушала затаив дыхание, впитывая каждое слово и каждый жест...

Семинар группа студентов в центре зала

– Потрясающая, она просто потрясающая, хотя и не такая красавица, как говорили.

– Да, не модель, но стильная и шикарная

– А где же её телохранительница?

Воронина слушала сокурсниц и, еле удерживалась от того, чтобы не шикнуть на них. – «Вот курицы, им рассказывают серьёзные вещи, а они о чём думают? И при этом ничего не понимают в красоте – Халитова красавица, одни глаза чего стоят. А осанка, какая? Среднего роста, но держится так, что все вокруг кажутся шибзиками, просто мелочь пущатая. Вот это женщина... и умная, и властная. Ей хочется

подчиняться. Ей и заставлять никого не нужно – скажет и все побегут сами наперегонки. Я точно побегу». – Она ревниво оглядела аудиторию. – «Пришли как в цирк, не слушать, а поглазеть. Сейчас начнут фыркать – «Фу какая гадость, сплошное купи-продайство, а мы тут все из себя цаци высоким искусством занимаемся». Ничем вы тут не занимаетесь, в лучшем случае будете пейзажики с берёзками рисовать, да на жизнь жаловаться... А вон там, с ней – успех, красивая жизнь. Вот к чему нужно стремиться». – Воронина, с наслаждением, смотрела на Светлану, и смаковала каждое её слово.

Халитова, тем временем, закончила общее описание второго, аукционного способа продаж и остановилась на сравнении его с галерейным.

– Так что же лучше для владельца картины, если он хочет её продать? Отнести картину в галерею или на аукцион? Однозначного ответа нет, и там и там есть свои плюсы и свои минусы. Перечислим плюсы в галерейном способе: первый и главный – если галерея не сможет продать картину, то никакого вреда от этого не будет. Кроме владельца картины и самой галереи, никто больше об этом не будет знать. Это очень важно, потому что в случае «не продажи» на аукционе, этот факт будет известен всем, кто следит за торгами. Но что ещё хуже «не продажа» попадёт в специализированные информационные базы. Скажу два слова об этом. В мире существует три специализированных сайта,

которые собирают статистику аукционных продаж. Это американский Artnet, французский Artprice и как это не удивительно, российский Artinvestment, который специализируется на российских художниках, и в этой части далеко превосходит и Artnet и Artprice. Чем плохо то, что картина выставилась на аукцион, и не продалась? Казалось бы, ну не продавалась и ладно, в другой раз продается. Ан нет, любой негатив, связанный с картиной, тут же влияет на её дальнейшую судьбу. Например, слух, что к подлинности картины есть вопросы, может поставить на ней крест, и владелец никогда не сможет продать её. Только слух, слышите – не факт. Почему? Потому что проблема подделок стоит очень остро, и люди бояться связываться с картинами, вокруг которых существует хоть малейшая неясность. А «не продажа» на аукционе сразу вызывает ряд вопросов, особенно если картина хорошая. Что не так? Цена завышена, или у профессионалов возникли сомнения в её подлинности? И этих двух вопросов достаточно, чтобы на всякий случай, в дальнейшем, картину не рассматривали в качестве покупки.

Означает ли этот жирный минус аукционного способа продаж, что с аукционами лучше не связываться? Конечно нет. Потому что максимальную сумму продажи владелец может получить именно на аукционе. На аукционе всё понятно и открыто. Вот каталог торгов, вот зал, в нём люди, которые пришли покупать. Ты и сам можешь прийти, и посмотреть, как будут, или не будут торговаться за твою картину. В га-

лерее же, вы никогда не узнаете, за сколько они продали вашу работу. Галерея, когда берёт у владельца картину на реализацию, сразу обговаривает с ним её цену. Они спрашивают: – Сколько вы хотите получить за картину? Допустим, вы разбираетесь в этом, и называете сумму, например миллион. Они про себя прикидывают, что продать смогут за два, и соглашаются. Или наоборот понимают, что дороже чем за пятьсот тысяч никто не купит, и тогда говорят: – Нет, это сейчас дорого, за такие деньги покупателей нет, и после этого, предлагают – двести пятьдесят. Что вам делать? Как вариант, идти в другую галерею, и там повторить тоже самое, или плюнуть, и согласиться на двести пятьдесят. Что обычно и делают владельцы. После того как вы обговорили цену и ушли, галерея начинает показывать картину клиентам и за сколько её, действительно продаст, вам не скажет никогда. Может быть, в два раза дороже, а может быть в три. И не зависимо от того, за сколько будет продана картина, вы получите только заранее оговоренные деньги. Неожиданно? А вы думали галерея по-честному, возьмёт свою комиссию и всё? Да? Как бы не так, но в этом, и есть главная разница между двумя способами: галерейным и аукционным.

Халитова посмотрела на часы, и удивилась, что пролетело уже полтора часа.

– Ого, давайте сделаем перерыв на пятнадцать минут. Меня просили через час сделать, да мы с вами увлеклись немно-

го.

– Не нужно перерыв, давайте дальше – донеслось со всех сторон.

– Ну, кому-то не нужно, а кому-то нужно. Коллеги – пятнадцать минут и мы продолжим.

Светлана вышла в коридор подышать, и её сразу обступили студенты со своими насущными вопросами:

– Что нужно, чтобы устроиться на работу в галерею?

– Как раскрутиться молодому художнику?

– Сколько стоит провести выставку?

– Где продавать свои картины?

– Как стать экспертом?

Вопросы сыпались, и сыпались без остановки. Сквозь толпу к Светлане протиснулся, Карташевич.

– Ребята, имейте совесть дайте отдохнуть лектору.

– Ничего-ничего, я не устала. Коллеги я отвечу на все вопросы не переживайте, но в аудитории. То, что вы спрашиваете, может быть интересно всем. – Она записала в блокнотик наиболее важные вопросы и, извинившись, отошла в сторонку, вместе с Семенном Яковлевичем.

– Ну как? Вроде нормально, слушают.

– Не то слово, фурор. Сидят как мышки, у вас большой талант выступать на публике. Так держать молодёжную аудиторию, дано очень немногим.

– Ну и хорошо. – Она посмотрела на часы – Пора продолжать. – И пошла обратно в аудиторию. Зал потихоньку за-

полнился.

— Мне в перерыве задали много интересных вопросов, дайте так: — я специально оставляю полчаса в конце для ответов. А сейчас отвечу на один важный вопрос, вот он: — Что нужно знать для того чтобы работать в галерее? Вопрос важный потому, что имеет прямое отношение к теме сегодняшней лекции. Ответ простой — чтобы работать в галерее, нужно знать художников и их творчество. Как правило, у каждого художника есть разные периоды его творчества: становление, расцвет и упадок. Имейте в виду, периоды эти не всегда связаны с возрастом. От того, в какой период создана картина, очень сильно зависит её цена. Яркий пример Лентулов. Один из главных художников авангардистов начала двадцатого века. А кстати, знаете, что на самом деле имеет значение во всей русской культуре? Мы ведь с вами привыкли гордиться своей великой культурой, и по праву считаем себя культурной нацией. А что на самом деле в мире, признаётся нашим, культурным достижением? Думаете Айвазовский, Левитан, Шишкин? Или возьмём шире — Пушкин, Чайковский? Ничего подобного, Айвазовских в Европе своих навалом. Прекрасных маринистов там хоть отбавляй, только стоят они там гораздо дешевле. Наша классика восемнадцатого девятнадцатого веков, это никакое не достижение, а копирование европейской школы. Все наши художники учились в Европе, писали на холстах из Европы и красками сделанными там же. А вот действительным культурным проры-

вом, был как раз русский авангард 1900 – 1920 –х годов. Яркие представители его: Малевич, Кандинский, Ларионов, Удальцова, Гончарова, Клюн, Лентулов и так далее. Вот это признаётся всем миром, и действительно являлось новым и прогрессивным, оказавшим влияние, на развитие всей мировой культуры. Как следствие, картины этих художников стоят очень дорого.

Но вернёмся к нашему примеру с Лентуловым, большинство его работ находится в музеях и все картины, что написаны им до 1920-го года стоят миллионы долларов. Одна беда, они крайне редко появляются в продаже. Их нет на рынке. И если даже, у вас есть эти миллионы, и вы захотите купить авангардную картину Лентулова. Вам это не удастся сделать. А вот то, что он создавал после 1920-го года, ни стоит ничего. Почему? Потому что он перестал писать авангардные работы, и стал обычным, скучным реалистом, каких много. Вот такие вещи при работе в галерее знать необходимо. И от вас будут ждать таких знаний, когда вы придёте на собеседование. Брать на работу человека, и потом заниматься его образованием никто не будет.

После того как вы устроитесь на работу, большую часть времени, вам придётся заниматься и исследованием творчества художников, и исследованием всего, что связано с картинами, которые вы продаёте. Потому что продаёте вы не столько картины, сколько истории с ними связанные. Картина, как и любая антикварная вещь, мгновенно поднимается

в цене, если связана, либо с исторической личностью, либо с историческим событием. Ну, например, одна и та же шпага или табакерка, будет отличаться в цене в десять, а то и в тысячу раз, от такой же, если ею владел Наполеон. Смысл и движущая сила торговли антиквариатом в том, что люди хотят владеть кусочком истории, и готовы за это, очень дорого платить. Так же и картины, если с картиной связана какая-то история, или событие, или достижение, то это повышает её стоимость в разы.

Тут из зала раздалась скептическая реплика

– А, какие такие, особенные истории связаны с нашими картинами?

– Очень хороший вопрос, скептический, но хороший. Вы думаете, что, что-то интересное может быть связано только с мировыми зарубежными именами? Кто мне скажет, какие картины знают все?

Из зала тут же слышали названия

– Джоконда, Чёрный квадрат...

– Правильно именно эти две картины знают все. Думаю даже, что Чёрный Квадрат известнее Джоконды, но чаще всего в ироническом смысле. Даже скорее в нарицательном, хотя это очень ошибочное мнение, влияние Чёрного Квадрата на мировую культуру неопределимо. Но это настолько глубокий и долгий разговор, что лучше посвятить этому отдельную лекцию. А вот Джоконда, что в ней такого?

– Её написал Леонардо Да Винчи, а он гений.

– У Джоконды непонятно выражение лица.

– Правильно, кто это сказал? Поднимите руку.

В зале поднялась рука, и все головы повернулись в её сторону. – Да это всем известно. – Раздался тот же скептический голос, с другой стороны зала.

Светлана быстро отреагировала – Всем известно, но вовремя сказала только эта девушка. Как Вас зовут?

– Люба Воронина

Светлана внимательно и оценивающе посмотрела на Воронину, отметив про себя – «Надо же, как получилось, пришла посмотреть на неё и вот, она сама выделяется из всей толпы. Неплохо».

– Спасибо Люба, вы правы, именно в этом главная загадка Джоконды. Вопрос, над которым бьются искусствоведы: – Как она улыбается, скептически или приветливо? Ну, и конечно техника, в которой выполнен этот портрет, мягкость линий и так далее. Кстати, ещё одна загадка этого портрета в том, что Леонардо писал его пятнадцать лет, и так и не отдал его Моне Лизе. Насколько всё это правда, вопрос к тем самым искусствоведам и историкам, но согласитесь, что именно эта информация интересна людям, которые смотрят на портрет.

Теперь, что касается скептической реплики, относительно историй вокруг наших российских картин. Например, многие знают портрет «Марии Лопухиной» кисти Боровиковского, который висит в Третьяковке в Лаврушинском пере-

улке. Но мало кто знает, что это не менее загадочный портрет, чем Джоконда. Во-первых, у Марии Лопухиной тоже меняется выражение лица. Во всех канонических описаниях она улыбается приветливо. Но это не так, иногда она улыбается скептически, а иногда брезгливо. Возможно, что степень настроений её улыбки меняется в зависимости от дня, когда ты на неё смотришь. Многие отмечают, что в один день она смотрит на тебя нормально, а в другой с явной неприязнью. Одно точно – освещение здесь ни при чём. Но это не всё, в отличие от Джоконды, загадки в картине не ограничиваются улыбкой. – Светлана повернулась к помощнику на компьютере, – вы можете найти в интернете изображение этой картины и вывести его на экран проектора?

– Да сейчас сделаю – он постучал клавишами клавиатуры и, через несколько секунд, на экране появился портрет Лопухиной.

– Спасибо. Ну что, как она смотрит на вас? – В зале зашумелись – Обратите внимание на розы возле её левой руки, на которую она опирается. Что мы видим? Они завяли. Это, мягко говоря, странно и совсем не характерно, для таких портретов. Портрет парадный, написанный ко дню свадьбы. В таких портретах, обычно, всё цветёт и благоухает. Более того, фон и окружающие предметы символические, и должны были подчёркивать, звание, красоту, богатство, и статус. А тут на тебе, увядшие розы. Художник что-то почувствовал, предвидел, или назло чему-то, так поступил?

Может быть, у него не заладились отношения с этой девушкой? Боровиковский, ведь, на тот момент, находился в расцвете творчества. Он сорокалетний успешный художник, от заказов нет отбоя, в том числе есть заказы от царской семьи. К тому же хорош собою, и наверняка привык к успеху у женщин, кстати, женат так и не был. А тут, возможно, что-то не задалось? Может быть поэтому, на него так неприязненно смотрит Мария Лопухина, которой всего-то восемнадцать лет? Загадка.

К сожалению, подробностей написания портрета нет. Но увядшие розы оказались пророческими, Мария умерла через три года после написания портрета. Ходили даже слухи, что это портрет забрал у неё жизнь. Правда, были и другие слухи, что это её отец, известный мистик и масон, сумел вселить душу умирающей дочери в её портрет. – Светлана обвела взглядом притихшую аудиторию, и продолжила. – А что же муж Марии? Говорили, что брак был несчастливый, и что именно это, явилось причиной её смерти – отсутствие любви. Сам муж тоже, ненадолго пережил свою жену, он умер через три года после неё, хотя был совсем не старый, всего на десять лет старше Марии. Ему было тридцать два года. По нынешним меркам – молодой человек. С чего бы ему умирать?

Светлана сделала эффектную паузу, и вопросительно осмотрела зал.

– Думаете это конец истории? Нет, это только начало. Портрет Мари Лопухиной очень быстро приобрёл дурную славу. По семьям стал распространяться слух, что стоит молодой незамужней девушке посмотреть на него, как девушка начинала чахнуть, и очень быстро умирала. Существуют, чуть ли не письменные свидетельства, врачебных заключений, подтверждающие десятки смертей молодых дворянок. Ажиотаж схлынул, лишь тогда, когда Третьяков выкупил портрет и повесил его в своём музее. Сейчас, вроде бы не слышно о его пагубном влиянии, но я бы сильно не советовала подходить к нему одиноким девушкам, особенно если они, только что расстались с любимым человеком.

В зале стояла абсолютная тишина, рассказ произвёл невероятно сильное впечатление, на аудиторию.

– Думаете это всё? Нет, опять не всё. Про художника забыли? Думаете, он счастливо отделался от этой истории? Нет, у него тоже всё пошло наперекосяк. Он с чего-то вдруг, увлёкся мистицизмом, вступал несколько раз, в различные секты и умер, в не очень хорошем душевном состоянии. Всё-таки, что-то случилось во время написания этого портрета.

Зал потрясённо молчал, переваривая услышанное.

– Ну что же, вернёмся к теме нашей лекции.

Слушатели недовольно загудели – и опять, тот же голос, но уже без скептической нотки, выразил общее желание – Ещё расскажите, что-нибудь такое.

– Ещё? Вот как. Всё-таки история увлекла вас? И я уве-

ряю, что будь вы покупателем, Вы не задумываясь купили бы эту картину, заплатив раз в десять дороже. Хорошо, давайте продолжим. Все мы знаем мастера романтического пейзажа Саврасова. И конечно его знаменитую картину «Грачи прилетели», но немногие знают о другой его очень мощной картине – «Сухарева башня», которая находится в Государственном Историческом музее Москвы. И поверьте, это не менее загадочная картина, чем портрет Лопухиной. – Она ещё раз попросила помощника на компьютере помочь ей, найти и вывести на экран, картину.

Пока тот клацал мышкой и клавиатурой, Светлана продолжила.

– Два слова о самой Сухаревой башне. По общепринятой версии, её приказал построить Пётр Первый, в благодарность полковнику стрельцов Сухареву, за то, что тот, со своим полком, остался верен Петру во время стрелецкого бунта. Тут начинаются вопросы, и первый из них: – Так ли это? Потому, что Сухаревской её стали называть, уже после смерти Петра, а при нём её называли «Сретенской по Земляному Городу». Да и полк был расформирован, через пару-тройку лет, после бунта. Так что, первый вопрос: – Для чего построена башня, и почему так называется? С моей точки зрения, открыт. Второй вопрос: – Почему у башни, такая странная форма и цвет? А вот и картина Саврасова появилась на экране, спасибо. Посмотрите, насколько башня выделяется среди окрестных домишек. Только её высота, уже вызыва-

ла уважение – больше шестидесяти метров. Башня стала городской достопримечательностью, но очень скоро приобрела репутацию таинственного, колдовского места. Дело в том, что в верхних этажах башни, оборудовал свою мастерскую, небезызвестный Яков Брюс, соратник Петра, прозванный в народе чернокнижником и колдуном.

Есть несколько мест в Москве, связанных с деятельностью этого человека. Например, на пересечении Старой и Новой Басманных улиц, существует старинный особняк, на стене которого сохранилась странная ниша, в виде крышки гроба. В этой нише располагались вечные часы, изготовленные Яковом Брюсом. По легенде, за них не расплатились должным образом, и он проклял часы, сказав: – «Пусть они показывают только несчастья». С тех пор ниша окрашивается в красный цвет накануне каких-то катастроф или несчастий, а иногда на ней проступает портрет самого Брюса или изображение креста, с указанием, где спрятан клад колдуна. И тот, кто начинает искать этот клад, через некоторое время странным образом погибает.

Вернёмся к картине Саврасова «Сухарева башня». В ней, в полной мере отражены, все эти легенды и настроения. Посмотрите, насколько зловеще и таинственно, возвышается башня над домиками. А круг ворон над ней, ужас да и только. По легенде, именно в башне, Яков Брюсс спрятал свою чёрную книгу, которая открывала ему все тайны. Если вы думаете, что это сказки, то как объяснить, что Иосиф Сталин

дал личное распоряжение снести башню? И никакие петиции архитекторов не смогли ничего изменить. Башню снесли. Но как? Как в то время сносили, например, церкви? Брали динамит, и взрывали. А тут? А тут разбирали по кирпичику, ряд за рядом. Почему? Потому что искали, эту самую книгу. И даже, говорят, нашли какие-то книги, но нужной, среди них не было.

Однако, это не значит, что книги нет. Её поиски продолжаютсЯ до сих пор, и есть основания думать, что в картине есть подсказки, о том, где она спрятана. Почему? Да потому, что Саврасов на себе испытал влияние проклятья. После написания этой картины, дела у него пошли плохо. Он начинает пить, его выгоняют из училища живописи и ваяния, где он служил преподавателем. И, в конце концов, жизнь его заканчивается в нищете и алкоголизме.

Светлана обвела взглядом притихшую аудиторию.

– Что нагнала на вас страху? Теперь в музеи ни ногой? Хватит страшных историй, давайте вернёмся к основной теме лекции...

Через час у выхода из МГАХИ

У выхода из института, на ступеньках, собралась небольшая группа студентов, поджидая остальных и, обмениваясь

мнениями, о только что прошедшей лекции.

– Ну и ну, четыре часа вместо трёх, а как будто 10 минут прошло.

– Неужели правда всё, что она рассказала?

– Ты о картинах?

– Да

– Сказки конечно, но красиво.

– И страшно, меня прям пробрало, когда она о Лопухиной рассказывала.

– А кто-нибудь заметил, что она положила глаз на Воронину? Где она кстати?

– Вон она выходит. Воронина Люба иди к нам.

– Халитова на тебя обратила внимание, теперь держись.

Воронина покраснела, не зная, как реагировать.

– Да она на всех стреляла глазками, на меня тоже.

– Ой-ой, не воображай о себе.

Из дверей института вышла Халитова, в сопровождении Карташевича и декана Латинского.

– Светлана Сергеевна, мы надеемся на продолжении сотрудничества. Я понимаю, что при вашей загрузке не просто найти время для подобных лекций, но это так здорово и полезно, и главное интересно. Студенты в восторге. – Он повернул голову к группе студентов – Ребята вам понравилась лекция?

– Да-да ещё хотим.

– Вот видите, я вообще не помню, чтобы кого-то так про-

вожали. А если бы, вы ещё взялись нам курс прочитать, часов на сорок-шестьдесят, было бы вообще прекрасно. Я берусь пробить двойную ставку, деньги маленькие конечно, но тем не менее...

– Хорошо я подумаю, мне тоже понравилось и я посмотрю, как лучше поступить. Всё, прощаемся, всего доброго.

Она пожала руки декану и Карташевичу, кивнула студентам, и пошла к ожидавшей её машине. Дверь открылась и из неё, навстречу Светлане, вышла черноволосая красавица. Светлана нежно чмокнула её в щёку, после чего они сели в машину и уехали. Студенты вытаращили глаза и несколько секунд, молча, смотрели в след уехавшей машине.

– Япона мать, вот это да.

– Что это было?

– Как пантера, гибкая и сильная.

– Я говорила вам, что она ходит с обалденной телохранительницей, а вы мне не поверили. Что убедились?

– И чё? Ты уже возбуждаешься?

– Не твоего ума дело.

– Она ей не только телохранительница, они точно пара, к бабке не ходи.

– Да, ещё какая пара...

– Заметили, как эта пантера зыркнула на нас? Я бы не советовала подкатывать к Халитовой...

– Пошли кофейку попьем. Воронина пойдёшь с нами?

Студенты, перебрасываясь шуточками, пошли в сторону

Рогожского вала. Люба, ничего не ответила, продолжая стоять как вкопанная, и смотреть на то место где Светлана Халитова села в машину. – «Ну почему такая несправедливость? Почему? Чем эта, её подруга, лучше меня? Красивее? Да красивее, в сто раз красивее. Как они обнялись... Всё понятно, им больше никто не нужен. Боже! Ну почему ты так со мной? А эти суки ещё подкалывают: – «Халитова обратила на тебя внимание». Как же обратила... зачем ей такая уродка, как я? У неё и так всё есть: успех, богатство, любовь. А мне? Боже, что ты приберёг для меня?»

– Люба, хорошо, что ты здесь. Ну как тебе лекция? – Карташевич неожиданно оказался рядом с Ворониной.

Она посмотрела на своего преподавателя, хотела что-то сказать, но горло перехватило, а из глаз чуть не потекли слёзы. Помолчала, сильно выдохнула, чудовищным усилием воли взяла себя в руки, и выдавила – Очень понравилось. – Посмотрела на Карташквича, но тот, слава Богу, кивнул кому-то в сторону, и не заметил её состояния. А когда снова повернулся, она уже справилась.

– Ты молодец, Халитова тебя заметила. Я ей рассказывал про тебя, хвалил, и мы решили попробовать подключить тебя к настоящей работе. Давай два дня в неделю, после занятий, начинай приходить ко мне в мастерскую. Начнём с лёгких заданий, потихоньку полегоньку начнёшь втягиваться. Халитова даже зарплату обещала начислять за работу, хотя, я просил только о стажировке. Это очень хорошо... Только

просьба, об этом не делиться с подругами в группе. А то начнутся склоки: – Почему её позвали, а не меня... И так далее. Договорились?

– Конечно.

– Ну и ладушки. – Карташевич попрощался и пошёл к метро.

А Люба осталась стоять и прислушиваться к своим ощущениям. – «Победа? Она меня заметила. И не только заметила, а выделила из толпы, и позвала к себе. Какое счастье, Боже, ты меня услышал. Как на качелях, только что летела вниз, и ух понеслась вверх. Это мой шанс, это мой шанс и я его не упущу. А как же эта красотка с ней? Взгляд у неё действительно жуткий. Посмотрела, словно насквозь прожгла. Зачем Халитовой такая жуткая подруга?» – Воронина снова проиграла в голове сцену встречи Халитовой и её красавицы, отчего внизу живота неприятно похолодело, и тяжёлой, холодной волной стало подниматься выше. Её, даже, зазнобило. – «Вот это да, надо присесть и успокоиться».

Она осмотрелась вокруг, увидела свободную скамеечку, подошла и тяжело опустилась на неё. – «Не паниковать, не паниковать, всё нормально. Всё нормально. Я справлюсь. Начну работать с ней, и этого уже достаточно. Достаточно? Пока да, но хочется... Чего тебе хочется, с такой внешностью? Дура. Тебе показали, каких она себе выбирает? У тебя нет шансов...»

Наше время Танич

Татьяна ещё раз просмотрела список документов, которые ей были нужны для изучения, перед тем как взяться за исследование:

– Видеозапись смерти.

– Материалы следствия, которые включают в себя:

1. Материалы вскрытия и заключение о причине смерти.

2. Медицинская карта и полная информация обо всех обследованиях, какие только были (психоневрологический диспансер, наркодиспансер, обращения к психологам).

3. Описание места происшествия (с детальными фотографиями, анализами проб воздуха и воды в бассейне, данные радиации места смерти и одежды).

4. Опрос свидетелей (родственники, друзья, одноклассники, коллеги по работе, соседи).

5. Полный биллинг телефона (звонки, услуги, передвижение) за неделю до смерти.

6. Основания в отказе в возбуждении уголовного дела.

7. Сводка происшествий в этот день по г. Москве и области.

8. Все фотографии, какие только есть в семье.

Да всё правильно – Танич отправила письмо по электронной почте. – Теперь пора подумать, к кому можно обратиться, по поводу самого генерала ФСБ Рыкова? В ФСБ у меня никого нет, вернее есть, но доверия к этим источникам нет, так, как непонятно чем закончится просьба. Помочь-то помогут, но потом опять начнут привлекать к своим меро-

приятиям, и не отвяжешься... Так, а что-то смежное, ФСО например? Там работает Валечка Савченко, давно не общались, матершинница знатная, но нормальная тётка, шустрая и если сама чего не знает, наверняка есть контакты в ФСБ. А что ей сказать, зачем это мне? Да как есть, так и скажу. Так, где у меня её телефончик-то? Только бы не поменяла. О, соединился, отлично.

– Валя, привет, это Танич

– Ёб твою мать! Сколько лет, сколько зим? У тебя совесть есть? Давай рассказывай, куда пропала?

– Никуда не пропала, так... устала от МВД, поэтому отдохнула немножко. Сейчас работаю в частном агентстве у Рудкова.

– Ой, да ладно, устала она, я знаю из-за кого ты ушла – из-за Лебедевой. И зря. Послала бы её в жопу. Мало что ли баб вокруг приличных? Хоть бы я, например. Чего ко мне не пришла?

– Ты старая для меня.

– Тю, какая я старая? Я тебе сто раз говорила, что у хохлушек нет возраста. Не хочешь ко мне в постель, давай ко мне на работу, есть хорошее местечко. Нахуй тебе Рудков? Он жмот, а сейчас ещё и в оппозицию решил поиграться, политик хренов. Вас закроют на раз-два. Так ему мудаку и передай.

– Нет, уж извини, ничего я ему передавать не буду. В одну постель нам с тобой ложиться нельзя, покалечим друг друга.

На работу, я к тебе не пойду, потому что быстро подсижу тебя, и ты за это начнёшь называть меня сукой.

– Точно начну, ну дак не подсиживай. Ладно, выкладывай чего звонишь, а лучше приезжай, примем по пять капель для здоровья...

– Нет, не обижайся не поеду. А помочь можешь. Мне дали задание расследовать убийство дочери генерала ФСБ Рыкова. Прежде чем ввязаться в расследование, мне нужно знать не пожалею ли я потом об этом. Что вокруг него сейчас? Вдруг тут политика или бизнес, тогда рядом находиться опасно.

– Ни хера себе Танич! – С чувством отреагировала на просьбу Савченко. – Дело говно и мужик он, тоже говно, как и они все там, впрочем. Не лезьте лучше, там без вас так копали-перекопали, что будь здоров.

– Это ясно, но моего Рудкова, взяли в оборот, не может отказаться, поэтому придётся покопаться и нам в этом...

– Херово, вот что. Ладно, я пошукаю по тихому и отзвонюсь тебе. Но за тобой будет должок. Поняла?

– Поняла.

– Сука ты всё-таки, если бы поняла, то уже ехала бы ко мне. Ну, едешь?

– Нет.

– Ох, я тебе это припомню. Всё пока, а то у меня дел по горло, а ты меня заболтала совсем. Жди звонка.

– Пока. – Танич дала отбой и заметила, что сидит и улы-

бается. – Обожаю эту хохлушку. Интересно как она догадалась про Лебедеву? Никто ведь не знал. Ну всё, сейчас полезут воспоминания. Чёрт, не вовремя, не вовремя, только успокоилось всё...

Четыре года назад Танич

Первый раз я её увидела, когда она пришла в наш отдел собирать информацию для брифинга. Только вошла, сразу стало понятно кто она. И хотя глазками стреляла во все стороны, но то, что мужики ей были по боку, видно было невооружённым глазом.

– Вы капитан Танич

– Да, а Вы?

– Старший лейтенант Лебедева, из пресс-службы. Мне к Вам посоветовали обратиться, как к главной, по громкому делу о серийном убийце Битцевского леса.

– Да, и что?

Этот вопрос был уже лишним, и ей и мне было понятно, чем закончится этот вечер. Это было как удар молнии, никаких шансов ни у неё, ни у меня. Любовь с первого взгляда в чистом виде. В школе такого не было. В себя мы пришли только у неё в постели, под утро. Не помню, сколько раз кончали до полного изнеможения. А потом запах кофе и снова секс, и ещё раз секс, и ещё... И так полгода. Пока меня не отправили в Питер на месяц, помогать ловить Питерского маньяка-водопроводчика. А я возьми, да и закончи там всё за неделю. Домой летела, как на крыльях, думала, сюрприз

сделаю, не звонила. Села у подъезда и стала ждать с букетиком, и дождалась. Она приехала на машине с полковником Маркиным. Я подпрыгнула со скамейки, думала он сейчас уедет, и я вслед за ней вскочу в лифт, обниму, зацелую. Только он не уехал, а в обнимочку, поднялся с ней в квартиру, да и остался там до утра.

Почему я не умерла, тогда ночью, не понятно. Сидела на скамейке всю ночь, в каком-то оцепенении, никак не могла поверить, что это возможно. Утром они вышли вдвоем, она в спортивном костюме для бега, а он в форме, на работу. Очень нежно простились, всё никак не могли расстаться. Он сел в машину, а она побежала в парк...

Через три часа я обнаружила себя в нашем управлении, перед кабинетом своего начальника, полковника Маркина. В кармане пиджака, тяжело лежал заряженный пистолет. Точно знала, что сейчас сделаю, не было и тени сомнения или страха, только злость. Точно знала, что он там не один, и ждала, когда выйдет посетитель. Точно знала, куда буду стрелять ему, и собиралась высадить всю обойму, и высадила бы, да Бог уберёт. Селиванов зачем-то зашёл к нам в отдел и, проходя мимо, с одного взгляда всё понял. Все вокруг шли себе мимо и не видели, а он увидел, и понял, что сейчас произойдёт, опытный опер в прошлом – умница. Перехватил меня, и увёл, и ничего не стал спрашивать, только просил не пороть горячку. Выпили с ним бутылку коньяка, после чего я написала заявление, отнесла на стол в кадры, и уехала на

два года в деревню, к бабе Оле. Там легче не стало, несколько раз надевала петлю на шею... Но не решилась. В последний момент представляла, как войдёт баба Оля и увидит меня в петле... Как ей жить потом здесь? Баба Оля старая, но неглупая, что-то заметила, и поняла, и полгода отпаивала меня какими-то травами. Читала заговоры и молитвы, парила в бане, и отливала ледяной водой из колодца. Вроде прошло... Вроде...

На столе зазвонил телефон внутренней связи, я вздрогнула. – Ну, что там ещё?

Наше время Танич

– Да?

– Татьяна Николаевна, к вам приехали.

– Кто?

– Говорят, вы в курсе.

Татьяна услышала отдалённый разговор в трубке

– Как? Как представить? Артёмова?

– Я поняла, поняла, кто это. Скажи, что я спускаюсь. – Ох, как вовремя.

Татьяна быстро собралась и спустилась на первый этаж. Там уже собралась небольшая толпа любопытствующих зевак, посмотреть к кому приехала такая красавица. – Вот кобели, завтра проходу не дадут.

– Добрый вечер госпожа Артёмова, извините за опоздание.

Я прошла пост охраны, кивнула дежурным и мы вместе,

направились к выходу. Я открыла перед ней дверь и, автоматически, придержала её за талию. Она заметила? Почувствовала моё прикосновение? Виду не подала, а вот меня пробрало. Я, очень даже, почувствовала её – гибкая сильная, горячая. Сейчас буду, как школьница стараться потрогать её? Ладони вспотели. Ну дела...

– Вон моя машина, здесь недалеко ехать, я уже заказала столик.

Мы сели в припаркованный Мерседес, очень дорогой и красивый с наружи и ещё более дорогой и красивый изнутри. Но внимание моё привлекал совсем не он. У Артёмовой, когда она села, за руль, очень эротично приподнялась юбка, показывая мне колени. О, мой Бог. Я, оказывается, ждала, и хотела этого. Вот сейчас поцелую её, и одновременно начну двигаться рукой, от колена в глубину под юбкой... Что будет делать? Очень хороший вопрос, но для начала нужно отъехать отсюда... Артёмова завела машину, и мы тронулись. Она повернулась с тонкой улыбкой. Перехватила мой взгляд на свои колени?

– Пять минут и мы на месте. Там разная кухня. Вы, какую предпочитаете?

– Всё равно. Готова положиться на Ваш вкус. – «О чёрт «положиться» двусмысленно прозвучало?»

– Ладно, тогда будем пробовать блюдо дня. У них там всегда что-то неожиданное и вкусное.

– Отлично, я голодная.

- Вот и прекрасно, тем более вам бояться нечего, есть можно всё.
- Это в смысле, что я не поправлюсь?
- Конечно. Так, как Вы занимаетесь в клубе – Вам поправиться не грозит ни при каких обстоятельствах.
- Наверное, но нормально потренироваться удаётся, далеко не так часто, как хотелось бы.
- Серьёзно? А фигура у вас ой-ё-ёй, закачаешься.
- Остатки былой роскоши.
- Завидую.
- Вы мне завидуете?

Месяц назад в фитнес клубе. Танич.

«Шикарный клуб, жаль, что только на месяц взяли абонемент. Ну, хоть так». – Я переодевалась в стороне от Артёмовой, стараясь не попадаться ей на глаза. – «Она меня, конечно, не знает, но и запоминать ей, меня ни к чему. А фигура у неё потрясающая, занимается собой в серьёз. Грудь, бедра, длинные ноги, да плюс скандинавский профиль и прямые светлые волосы зачёсанные назад. Сто процентов в моём вкусе. Жаль натуралка, хотя я в этом, потихоньку, начинаю сомневаться».

Мы прошли в огромный зал. Она сразу направилась к нужным ей тренажёрам, а я стала осматриваться, аккуратно наблюдая за ней. – «Ни одного взгляда в сторону мужчин, а

вот на женщин посматривает. И хуже всего то, что пару раз стрельнула глазами на меня. Теряю квалификацию, засветилась на ровном месте. Ну а как тут не засветиться, в зале почти никого нет. Ладно, с этим потом разберёмся. Может быть померещилось. Но она не может быть лесби, зачем она замужем тогда? Может быть БИ? Хватит думать о глупостях, следи лучше за ней, и не морочь себе голову. Что она делает?» – Татьяна, перевела взгляд на Артёмову. – «Спокойно занимается, сама, без тренера, видно, что выполняет какой-то комплекс, и работает по настоящему».

Никто к ней не подходит и не похоже, что она кого-нибудь ждёт. Хотя место в этом смысле значное, обычное дело, когда какой-нибудь смазливый тренер крутит романы с подопечными дамочками. Но здесь этого, пока не видно. За эти несколько дней мы уже поняли, что в зале она проводит два с половиной – три часа, так что время у меня много, можно и самой размяться. Мой стандартный набор: пятнадцать минут разогрев, потом пятнадцать минут растяжка, потом тренажёры на верхнюю, или на нижнюю группы мышц. Я чередую верх и низ в разные дни, потом пресс и ноги, потом груша. Груша, а вернее набивной мешок, здесь, как раз есть. Я высмотрела его, на втором ярусе, там, где дорожки для бега и велотренажёры, и народу никого – то, что надо. Хоть бы она пошла туда, я бы постучала в охотку.

Через сорок минут Артёмова действительно пошла на велотренажёр, а я следом направилась к большой груше. Ря-

дом на полке лежали перчатки для бокса и для смешанных единоборств на выбор. Я выбрала по размеру для смешанных и, изредка посматривая на Артёмову, начала отрабатывать серии: голова, пах, солнечное сплетение. Ногой маваша в туловище и тут же маваша в голову. Руки и ноги сериями по два три удара. Тело хорошо двигалось, удары получались плотные и агрессивные. Краем глаза заметила, что ко мне направился тренер, перекачанный малый, воображающий себя крутым мачо.

– Здравствуйте, красиво у вас получается, не хотите поработать в паре?

– Алекс не лезь, груша у неё уже есть.

Это сказала девушка бодибилдер в форме инструктора, которая тоже оказалась неподалёку. Её слова подействовали, незадачливый мачо стушевался, и безропотно уступил ей место.

– Здравствуйте, меня зовут Рима, я инструктор, не часто здесь встретишь хорошего бойца. Не хотите поработать в ринге? Это бесплатно. У меня час до следующего занятия, так что у нас есть время.

Какая хорошая инструктор, с мышцами конечно перебор, но гибкая и пружинистая. Правда что ли потанцевать с ней? А Артёмова? – Я посмотрела в её сторону, и Рима, зараза, перехватила этот взгляд, и сделала вывод. Правильный вывод сделала, зараза.

– Она только села и будет крутить педали ровно сорок ми-

нут. Никуда не денется, потом пойдёт в бассейн на тридцать минут и потом, на пятнадцать в сауну. Так что?

– Где ринг?

– Вот он.

Мы, оказывается, стояли рядом с ним. Ринг располагался за прозрачной дверью в прозрачной перегородке, и невидно его было только потому, что изнутри висели вертикальные жалюзи. Отлично, если их открыть Артёмова будет оставаться в поле зрения.

– Если хотите мы откроем жалюзи и ...

– Да, так и сделаем. – Я не дала ей закончить мысль, что так я смогу присматривать за Артёмовой.

– Ок. Как вас зовут?

– Татьяна Танич. Можно просто Танич.

– Хорошо.

Она отперла дверь, и мы вошли в просторную комнату с рингом посередине. Рима на правах хозяйки шагнула внутрь, и придержала мне канаты.

– Спасибо

– Что предпочитаете? Бокс, тайку или без правил?

– Рукопашный бой

– Ок. Ударку или с бросками?

– С бросками.

– В контакт?

– В контакт.

– Ок.

Мы вышли на середину и, ткнувшись перчатками, в качестве приветствия, начали кружить в ринге, прощупывая друг друга, лёгкими, короткими ударами.

«Молодец Рима, хоть и «качёк», а быстрая. Классного боксёра всегда видно по ногам, а у неё хорошие, лёгкие ноги, и она не застаивается на месте. Серьёзный противник. Всё что нужно у неё есть: отличная реакция, быстрые руки, и умелая работа корпусом. Нравится она мне».

Со стороны движения женщин, действительно напоминали танец, во время которого Танич, спокойно уворачивалась от ударов и, точно отвечая джебом левой в голову, не подпускала к себе Риму. Та в свою очередь, пользуясь тем, что была мощнее, постоянно напирала на Татьяну, выбрасывая большое количество ударов со всех сторон.

В какой-то момент, приучив Риму к тому, что она уходит от атак в сторону, Танич, вдруг, поднырнула, ей под руку и, присев на корточки, крутанулась волчком вытянув одну ногу. Получилась эффектная подсечка, к которой Рима оказалась абсолютно не готова. Её ноги оторвались от земли, и она со всего маху шлёпнулась на спину, с большой амплитудой полёта. Татьяна быстро перекатилась, и ударила локтем в солнечное сплетение, пытаясь добить противника, лежащего на спине. Но попала только в пол, Рима успела сдвинуться, и одним рывком вскочить на ноги.

«Ничего себе, какая проворная и очень опасная, если бы попала мне в солнечное сплетение, всё нокаут». – Рима ста-

ла осторожнее идти вперёд, не понимая на что ещё способна Татьяна. – «Уверенная и спокойная, видно, что опыт серьёзных боёв большой. Смотрит только в глаза, но видит всё и, похоже, что хороший накаутёр, удары очень плотные».

Бой продолжался, а к рингу начали подтягиваться зеваки.

Артёмова

Какая интересная новенькая, появилась.... Фигура – мечта, мышцы маленькие, но сильные, ничего лишнего – спортсменка наверное. В первый раз здесь, но точно знает что делает. Инструкторы, даже, не стали приставать и так ясно, что они ей не нужны. Прекрасная растяжка, мне до неё далеко. Сколько ей лет интересно? Тридцать – тридцать пять, не девочка уже, но в прекрасной форме. Неожиданно, пару раз, поймала на себе её взгляд. К чему бы это? Ну посмотрим, она хорошая. Вроде ничего особенного, точнее ничего броского, но чувственная и с большой внутренней силой. Ровные черты лица, короткие волосы, стянутые в пучок назад, красивая линия шеи, маленькая грудь с чёткими сосками, которые я вижу, даже, сквозь спортивный топ. Ровные спортивные ноги и великолепный пресс, с отчётливыми квадратами, мне работать и работать над таким, эх.

Сделав свой стандартный комплекс упражнений, я пошла наверх к велосипедам и через некоторое время увидела её, точнее услышала. Она, тоже оказалась наверху и была в огромную грушу. Вот откуда такие мышцы, понятно. Понят-

но, что она профессиональный спортсмен, удары наносила очень умело и даже зло. Не позавидуешь тому, кто окажется на месте такой груши.

На удары новенькой среагировали наши боксёры. Первым пошёл к ней Алекс, но тут же получил отлуп от Багиры. Конечно, как же без неё? Меня кольнула иголка зависти, а может и ревности. Вот сволочь, как только появляется кто-то интересный она тут как тут. Ого, отпирает ринг, уговорила таки. Хорошо хоть жалюзи раздвинули, впрочем, теперь уже всё равно. Раз Багира взялась за дело, пиши пропало. Не пойду смотреть.

Мимо прошла группа не очень спортивных мужичков. – «Ну вот, потянулись на шоу бездельники».

Один из них крикнул кому-то вниз.

– Саша, давай сюда, Багира в ринге.

– Да чего там... Опять надаёт пендалей какому-нибудь новичку.

– Нет, нет, в этот раз, похоже, ей надают и против неё тоже женщина.

– Женский бокс? Бегу, занимайте места.

Очень быстро, возле стеклянной перегородки перед рингом, собралась значительная толпа зрителей. То, что там происходило, вызывало у них бурю эмоций. Они в унисон ахали и охали и даже хлопали в ладоши, после чьих-то удачных действий. – «Нет, это уже невозможно, пойду, посмотрю, что там происходит. Вот бы новенькая поддала Багире» .

Ринг. Танич

Бой шёл активно и с переменным успехом, Рима больше наносила ударов, но как только пыталась сблизиться, сразу нарывалась на приём или подсечку, после чего с трудом уворачивалась от добивающего удара. Артёмову стало не видно, потому что обзор плотно перекрыли зрители. – Ну и хорошо, исчез отвлекающий фактор, остался только ринг и хороший противник. После очередного удачного броска, я, почувствовала, чей-то пристальный взгляд, повернула голову, и тут же встретила глазами с Артёмовой. Несколько секунд мы смотрели друг на друга в упор, и если бы ни кулак, появившийся у моего носа, неизвестно чем бы это закончилось.

– Не отвлекайтесь Танич, а то уйдёте с ринга со свёрнутым носом.

Мы продолжили, но этот взгляд я запомнила. И поняла? Да поняла, давно на меня так не смотрели. Это конечно приглашение к знакомству...

После боя, мы под аплодисменты, отправились в душ.

– Шикарно, Танич, просто шикарно. Вы отличный боец. Выступали в ринге?

– Нет.

– Откуда же у вас такая подготовка, если не секрет? Опыт боёв виден сразу. Я, например, профессионалка и регулярно выступаю на соревнованиях. В ближайшую субботу, как раз,

будет ночь боёв без правил. Я там буду участвовать в среднем весе. Приходите, будет здорово. И кстати, я не встречала раньше бойцов с такой техникой. Что это?

– Это спецназ.

– Ого. И долго?

– Несколько лет.

– И были реальные задержания?

– Конечно, и, к сожалению, реальные смерти, а это сильно стимулирует хорошо заниматься.

Вырвалось похвалиться..., зачем я ей это сказала? Теперь выкручивайся.

– Но это всё в прошлом, сейчас спокойная работа в охранном предприятии.

– Понятно. Очень рада познакомиться. – Она посмотрела на часы. – Пойду, у меня сейчас группа по шейпингу, а так я готова работать с вами хоть каждый день.

– Это, наверное, дорого стоит?

– Договоримся, не переживайте.

– Ок.

Рима пошла в раздевалку, а я пошла к бассейну. Мышцы приятно ныли, сейчас спокойно поплавать самое то. – Чёрт, а Артёмова где? Совсем забыла, зачем я здесь... – Быстро осмотрелась по сторонам, заглянула в бассейн, и с трудом узнала её, в одной из плавающих. – Отлично, наши желания совпадают. Я быстро переоделась в купальник и, тоже, нырнула в воду.

Время потекло так же медленно, как я двигалась по свободной дорожке, не забывая, однако, посматривать на Артёмову, которая, в свою очередь, монотонно наматывала круги кролем. Через тридцать минут я совсем расслабилась, и начала думать, что это никогда не закончится, а ещё через десять, совсем было решила пойти, попросить слить воду, чтобы Артёмова наконец утомилась. Слава Богу, этого не понадобилась, она всё-таки устала, и пошла греться в сауну. Я тоже вылезла следом, и пока прикидывала, куда пойти в сауну или сразу в раздевалку, откуда-то выскочила Рима.

– О Танич, ещё здесь, отлично, пошли в сауну погреемся.

Не дожидаясь ответа, она взяла меня за руку и повела, показывая дорогу. Это уже похоже на флирт. Ну а почему нет? Что меня не устраивает? Женственности маловато? Зато энергии хоть отбавляй. А с учётом того, что секса у меня не было очень давно, выпустить пар было бы неплохо. – За этими размышлениями, мы быстро миновали небольшой коридорчик, потом предбанничек и, скинув шлёпки, ввалились в тёплый полумрак. Сауна оказалась пустой, за исключением одного человека, Артёмовой, она сидела в самом углу эротично завернутая в полотенце. Чёрт, я опять про неё забыла, но сердце предательски ёкнуло, подсказывая, кто мне нравится на самом деле. Всё, Рима извини, но секса у нас не будет. Его и с Артёмовой не будет, к сожалению, но пофантазировать-то я могу? Мы сели на полку, Рима, опять же на правах завсегдатая, подкинула черпачок воды на камушки

печки, и мы погрузились в отдых. Вдруг раздался волшебный звук. Голос? Да, это голос. Откуда интересно он идёт, свыше? Я открыла глаза, чтобы серьёзно посмотреть наверх, но быстро поняла, что голос идёт из угла Артёмовой. Она ко мне обращается?

– Это было невероятно, Вы обе выглядели как настоящие гладиаторы. Или гладиаторши? Не знаю как правильно сказать, не важно. Никогда не думала, что драка может быть красивой, но в вашем исполнении это было красиво.

– Потому что это была не драка, это был поединок. – Рима посмотрела на меня, ожидая, что я что-то добавлю. Но я промолчала. Нельзя этого делать, нельзя с ней общаться.

– И кто победил?

«У кого она спрашивает? Смотрит как будто на меня. И что делать? Фу... Слава богу, Рима начала отвечать».

– Это хороший вопрос. Скажем так, если бы мы были на соревнованиях, то по очкам победила бы... – она задумалась, подсчитывая очки. – Скорее всего, я. А вот если бы это было на улице, то госпожа Танич убила бы меня два раза.

– Три раза. – «Чёрт ну кто тянет за язык, а? Сиди молчи, нельзя втягиваться в разговор, нужно встать и уйти».

– Когда был третий? Когда я упала после первой подсечки? Но ты не попала в меня локтём тогда, хотя делала всё очень быстро.

– Нет, третий раз был в самом конце, когда я попала в солнечное сплетение. Потому что это был не конец атаки, а

начало. От удара в солнечное сплетение ты опустила руки, и открыла шею, туда должен был последовать последний удар.

– Чёрт, три. Покажешь потом эту серию?

– Чтобы ты кого-нибудь убила в ринге?

– Не такая уж я кровожадная, я тоже умею вовремя останавливаться.

– Ок.

Артёмова с большим интересом слушала наш разговор и, даже, слегка подалась вперёд, от чего с её левой груди, чуть-чуть сползло полотенце, показывая радужку соска. – «Не нужно так явно смотреть туда, сейчас заметит и поправит, а я не хочу, чтобы она поправляла». – Но Артёмова, всё-таки, поймала мой взгляд, и посмотрела себе на грудь, потом закрыла глаза, и вернулась в свою томную позу. Полотенце поправлять не стала. – «Да, точно, это приглашение... Ну и что делать? Её муж поручил мне поймать её с любовником, а не стать им. Вот облом так облом».

– Так что Танич, будем заниматься? Я очень заинтересована и денег не возьму, потому что после нашего боя, ко мне на занятия по боксу уже заполнились две группы. Представляешь? – Она ненавязчиво перешла на «ты» – За год существования секции в неё записалось четыре калеки, а после сегодняшнего боя двадцать четыре. Вот чем их нужно заманивать оказывается.

– Спасибо за предложение, но вряд ли.

– Как жаль. А что время неудобное? Я готова в любое вре-

мя дня и ночи.

Я посмотрела на Артёмову. «Она поняла о чём мы? Я-то ещё как поняла. Да, Артёмова тоже поняла, и с интересом, смотрит на меня сквозь прикрытые веки, и с интересом ждёт, что я отвечу».

– Нет, увы. Работа такая, что сложно что-то планировать на перёд. Но как-нибудь при случае, когда понадобится собрать группу, можем повторить спарринг для зрителей.

– Жаль. Но предложение в силе, если надумаете, то я всегда готова.

Месяц назад мастерская Карташевича. Воронина.

Сегодня должна приехать Халитова. Зачем интересно? Ну, а что тут такого, приезжает периодически, привозит работы на реставрацию, потом забирает. Правда, не очень понятно, зачем здесь, нужна я. Не такой уж большой объём работы, и Семён Яковлевич отлично справляется один. Разве что готовит себе смену, всё таки возраст, и поэтому меня натаскивает. В этом смысле, мне повезло, одно дело лекции и совсем другое живая работа. Есть и странные задания – рисовать на старой бумаге, в стиле старых художников. Он говорит, нет лучше способа почувствовать фактуру и свойства бумаги, чтобы набить руку и глаз, для работ связанных с реставрацией старой графики. Ну, может быть, тем более тут с моей стороны претензий нет, эта работа мне в кайф. Обожаю погружаться в стиль художника. Сейчас только закончила серию фирменных Малявинских баб в сарафанах –

хорошо получились. Несколько рисунков, даже, с красками попробовала. Захотелось. И не плохо. А может она на моего Малявина приедет смотреть? Ох ты – точно. Значит, подойдёт, будет что-то спрашивать. А вдруг не понравится? – Она разложила на столе свои рисунки, и рядом положила настоящие Малявина. – Нет, не может не понравиться, абсолютное сходство. Руки затряслись, надо же. Чего я больше жду, что ей понравятся рисунки или того, чтобы посмотреть на неё, почувствовать аромат духов? Вот кто-то пришёл. Она?

Но вместо Халитовой в мастерскую вошла черноволосая красавица. – «Сволочь, вот кого я не хочу видеть. И почему-то боюсь её, боюсь её глаз, смотрит, как углём прижигает. Чувствуется угроза и в походке и во взгляде. Зачем она здесь?»

Тарханова поздоровалась с Карташевичем, и о чём-то стала говорить с ним в полголоса. Потом посмотрела на Воронину, и направилась к её столу. Молча, не поздоровавшись, подошла и стала рассматривать рисунки Малявина. Взяла в руки двух настоящих и показала их Карташевичу.

– Вот Малявин.

– Правильно. Что скажете про другие?

– Впечатляет.

– А я что говорил?

Люба с испугом наблюдала за этой сценой. – «Что происходит? Карташевич тоже её боится? Он перед Халитовой так не дёргается, как перед этой ведьмой. Получается она здесь

главная? Бедный Семён Яковлевич и так небольшой, а тут совсем съёжился. Да и есть от чего, у меня самой волосы дыбом встают от неё. Жуткая и страшная. О, опять идёт ко мне».

Тарханова вернулась к столу Ворониной, и положила рисунки на место.

– Пусть сама найдёт.

Дверь опять распахнулась и в мастерскую, наконец, ворвалась Халитова. Обстановка сразу разрядилась.

«Слава богу, если бы ещё Тарханова ушла... Но нет, не собирается. О, надо же меня заметили» – Воронина встала со стула и стала шуршать бумагами на столе, как бы наводить порядок.

– Отлично, все в сборе. Здравствуйте Семён Яковлевич. – Посмотрела на Воронину. – Привет Люба. – Затем подошла к Тархановой и, нежно обняв её, поцеловала в щёку.

«Ну началось, вы ещё сексом тут займитесь». – Воронина не находила себе места. – «Что мне делать? Зачем я здесь?»

Халитова, не выпуская руку Тархановой, подошла к её столу и тоже стала рассматривать Малявина.

– Здесь только твои рисунки или есть Малявинские?

– Здесь есть два настоящих.

– Да? Ничего себе, я не могу определить.

– Вот эти мои, а вот эти два настоящий Малявин.

Халитова повернула голову к Тархановой – Ну, что я тебе говорила?

– Согласна – неплохо. Но делать следующий шаг я считаю рано.

Тут у неё зазвонил телефон, и она взяла трубку. – Ого, Сурен звонит.

– Да. Алё, Сурен. Говори громче, не слышу. Что? Это Сурма Сурен, это не Заур. Алё. – Она переменялась в лице. Посмотрела на Тарханову. – Он ошибся, думает, что звонит брату, говорит, что ранен. Ты где? Поняла, поняла. Сиди там не дёргайся, я сейчас приеду. Никуда не уходи с места, я уже еду.

Она дала отбой и быстро нашла телефон брата Сурена, вызвала. – Блять, недоступен. – Тут она посмотрела на Воронину, от чего у той подкосились ноги, потом на Халитову.

– Выйдем в другую комнату.

Они вместе с Халитовой и Карташевичем перешли в другое помещение, но дверь прикрыли плохо.

«Что происходит? Что это за звонок? Кто ранен?» – Воронина подошла к двери и осторожно заглянула в щёлку.

– Что ты собираешься делать?

– Поеду туда и вытащу Сурена из передраги. Его в Ясеново подстрелили, и сейчас он залёг в развалинах аквапарка.

– Это не наше дело, пусть его банда выручает. При чём здесь ты?

– Это моё дело. Он мой друг и этого достаточно, я его не брошу.

– Ты совсем рехнулась? У нас своих проблем навалом,

мне МВД дышит в спину...

– Вот именно, и если он умрёт, как мы сейчас будем искать замену?

– Я прошу тебя, не лезь. – Халитова прижала к себе Елену. – Тогда я тоже поеду с тобой.

– Нет, не может быть и речи. А вдруг стрельба? Лучше дай мне второй пистолет, где он у тебя? В машине? – Она достала свой из под куртки и проверила магазин с патронами. – Пошли быстро, времени нет.

Они вышли из мастерской, а Воронина подбежала к окну смотреть, что будет дальше. Халитова и Тарханова подошли к Лексусу Светланы, та достала из багажника маленький предмет, тоже оказавшийся пистолетом, и передала его Тархановой. Черноволосая красавица автоматическим движением проверила, что он заряжен и сунула его за ремень джинсов, прикрыв сверху кожаной курткой. Затем обняла Халитову, что-то прошептала ей на ухо, села в свою машину, такую же черную как она сама и уехала. Светлана постояла, провожая её взглядом, потом зябко обняв себя за плечи, вернулась в мастерскую. Несколько минут она стояла в середине мастерской, массируя себе виски. Потом подняла голову и посмотрела на Карташевича, который, как мышка ссутулился за своим столом.

– Вот так Семён Яковлевич, она опять отвлеклась от работы, придётся подождать...

– Я всё понимаю, конечно. Конечно, подождём... – И без

перехода. – Это очень опасно, куда она поехала?

– Очень. С этим нужно заканчивать, у меня есть вариант крыши, которая будет решать такие вопросы, но она против, и я не могу её убедить... Времена меняются, на смену бандитам приходят менты, а на смену ментам ФСБшники. С ними не справиться...

За неплотно прикрытой дверью стояла Воронина и молилась. – Господи, хоть бы её убили, там. Хоть бы убили...

Ясенево. Тарханова.

«Поздно уже, начинает темнеть. Ещё немного и я его не найду здесь». – Она медленно ехала вдоль забора с разрушенным аквапарком, изучая обстановку. Возле одной из дыр в заборе, стояли два пустых черных джипа. – «Очень плохо, значит их больше четырёх человек. А может быть одна машина Сурена? Хорошо бы».

Тарханова проехала метров на сто дальше и припарковала машину у следующей дыры. Вышла, огляделась, и пролезла через неё к развалинам аквапарка. За забором оказалась огромная территория. Обрушившийся аквапарк, уже начали было, разбирать, да и бросили, оставив вперемешку горы битых кирпичей, остатки стен и ямы, наполненные водой. – «Как же его найти здесь? Может позвонить? Нет, нельзя вдруг он прячется, а звонок привлечёт к нему внимание убийц. Нужно дойти до первой дыры в заборе, и оттуда начать поиски».

Елена прошла метров двадцать, стараясь не шуметь, и ещё

больше стараясь куда-нибудь не провалиться, когда увидела какое-то движение в глубине развалин. Она остановилась, и осторожно выглянула из-за куска стены. В её сторону двигались трое, один впереди, а двое, чуть сзади, что-то тащили. Не что-то, а кого-то. – «Они нашли Сурена, и тащат его. Куда?» – Бандиты стали обходить груды кирпичей, приближаясь к большому котловану с водой. – «Они его сбросить что ли хотят туда?» – Елена достала пистолет, сняла с предохранителя, и быстро пошла к ним навстречу.

– Эй, чего нужно? Здесь закрытая территория. Дамочка, я к вам обращаюсь. – Первый из бандитов пытался отвлечь её внимание, от своих подельников сзади, выдавая себя за сторожа. – Быстро уходите отсюда.

Когда он понял, что, приближающаяся к нему, девушка идёт не просто так, да ещё держит в руке пистолет, было уже поздно. Елена начала стрелять. Две пули попали в первого, а ещё несколько пролетели над головой у двух других. Атака была настолько быстрой и напористой, что первый упал как подкошенный, а бандиты сзади в панике, бросив ношу, прыгнули в канаву, спасаясь от выстрелов. Пока они там барахтались в грязи, Елена подбежала к краю обрыва, и не давая им опомниться, расстреляла из двух пистолетов, выпустив почти все патроны. Удостоверившись, что движения внизу больше нет, она повернулась к Сурену, и нагнулась, чтобы посмотреть, что с ним. И вовремя. Над головой просвистела пуля, это от первой дыры к ней бежали ещё двое, стреляя

на ходу. Елена подняла пистолет, и выстрелила в ответ, от чего бандиты шарахнулись в сторону, и спрятались за ближайшими обломки. Тарханова осмотрелась, – «Хорошо, быстро обойти меня, у них не получится». – И отползла от Сурена, укрывшись за кучей кирпича. Посматривая в сторону бандитов, вытащила запасные обоймы, и перезарядила пистолеты. Похлопала себя по карманам, но патронов больше не было. – «Плохо».

– Сурен, ты живой?

Сурен пошевелился, и что-то промычал.

– Сможешь переползти сюда?

Тут и бандит застонал, в которого она попала.

– О, и ты живой? Кто вы такие? Что вам нужно от Сурена?

Но вместо него стали говорить двое, что спрятались за стенкой.

– Ты сама кто такая, и зачем ты здесь?

– Меня зовут Сума, и я пришла забрать Сурена, Хочешь остаться живым, не мешай мне.

– Нас двое, а ты одна. Это ты уходи, Сурен должен нам много денег и это не твоё дело.

– Мне плевать, что он вам должен, я заберу его, а вы заберёте своего, пока он ещё дышит. – Она обратилась к лежащему бандиту. – Эй там, ты жив ещё?

Тот что-то неразборчиво сказал.

– Слышишь? Он ещё живой, но боюсь недолго. А те двое в яме готовы. Понял? Давай один за одного, я заберу Сурена,

ты заберёшь своего – честный обмен.

– А мою руку ты не считаешь?

«Значит, я всё-таки попала в него, это хорошо».

– Нет, только головы.

Тут подал голос раненый бандит. Говорил с трудом, с одышкой, но внятно и приказным тоном.

– Серый, кончай базар. Делай, как она говорит, я её знаю. – и уже обращаясь к Елене – Сума, я знаю тебя. Зачем начала стрелять? Можно было спокойно всё обсудить, без стрельбы.

– А ты сам, кто такой?

– Сава Чигиринский, слышала?

– Ого, влип Сурен, крепко. И что же он натворил?

– Его ребята угнали машину не у того человека.

– И всего-то? Вся эта кутерьма из-за машины?

– Хорошая машина, дорогая – пол-лимона зелени.

– Действительно хорошая машина, но всё равно, я не дам его убить. Всё всегда можно решить спокойно.

– Это ТЫ мне говоришь? А кто только что двоих моих ребят завалил?

– Так получилось, извини. Я подумала, что вы хотите бросить его в эту яму с водой. Некогда было разговаривать.

Сава помолчал, а потом выдавил:

– Если честно – именно это мы и хотели сделать. – Ещё помолчал, что-то прикидывая про себя. – Ладно, забирай Сурена, мы с ним потом разберёмся, и уходи. Больше стрельбы

не будет. Слышишь Серый, у меня две дыры в шкуре, и всё в крови. Не мешайте ей. – И снова обращаясь к Елене. – Ты одна здесь?

– Да.

– Как же ты его потащишь? Мои ребята вдвоем его еле пёрли.

– Как-нибудь справлюсь.

– Совсем больная, одна на пятерых мужиков. Зачем так рисковать?

– Потом обсудим это, давай выбираться отсюда. Береги силы, а то до больницы не доедешь.

– Согласен, давай выбираться...

Наше время ресторан. Танич.

– Вкусно, действительно вкусно. Но я так и не поняла что это?

– Я тоже, потом спросим у шеф-повара. А сейчас десерт?

– Можно. Но чего-нибудь лёгенького.

Артёмова подозвала официанта, попросила карту десертов и передала её Танич. Пока та выбирала, она внимательно рассматривала частного детектива: «Обычное лицо, худощавое, нос с небольшой горбинкой, твёрдый, волевой подбородок, волосы убраны назад в небольшой хвост. Глаза? Сейчас не видно какого они цвета, но взгляд... Когда она смотрит на тебя, и не только на тебя, а вообще вокруг, она все время всё анализирует – у неё цепкий взгляд. Да, правильное слово – цепкий. Уверена, что она уже всё посчитала, и сколько

человек в зале, и сколько официантов, и, скорее всего, дала всем оценку, кто опасен, а кто нет». — Татьяна подняла глаза, и увидела, что Артёмов её рассматривает.

— Что-то хотите спросить?

— Да, расскажите мне, пожалуйста, как вам удалось помочь мне? Это ведь не служебная тайна?

— Думаю, уже нет. Следствие закончилось и вы здесь абсолютно ни при чём.

— Отлично, рассказывайте.

— Когда Вас арестовали, как главную обвиняемую в убийстве мужа... — Татьяна замолчала, соображая как продолжить. — Нет, проще начать с самого начала. Нас нанял следить за вами ваш муж...

— Что уже странно, он и так всё знал. Наши отношения были больше партнёрскими чем... — она остановилась, раздумывая продолжать или нет.

«Опа, как интересно, не решается продолжать. Значит нужно аккуратненько подтолкнуть» — Что значит партнёрские?

— Это сложно и я пока не готова...

«Стоп, давить нельзя, а то закроется, а мне бы не хотелось этого».

— Ок, поняла.

«Нужно срочно вернуть её к сотрудничеству». — Я продолжаю?

— Да, конечно.

– Все переговоры с нами вёл его Зам...

– Который из них, Шаталов?

– Да, Шаталов, вальяжный такой барин.

– Ну точно. Он и есть.

– Для заключения договора с нами у него были все нужные права, право подписи, заверенное приказом, и так далее. Тем более, здесь не было ничего необычного, стандартная практика для людей, из богатых кругов, сами они мелочью не занимаются – на всё есть помощники. В качестве такого помощника, к нам приехал Шаталов. Всё официально, как положено, между нашим агентством и одной из фирм вашего мужа, с формулировкой – «проверка безопасности перевозок», был заключён договор. Здесь тоже не было ничего необычного, как и то, что Зам на этом, немного погрел руки. Часть суммы переключалась к нему в карман. В том, что задание не соответствовало формулировке в договоре, тоже стандартная ситуация, немногие мужья хотят выносить сор из избы и, в открытую, расписываться в потенциальной неверности жены. Не дай бог, попадёт в прессу, и начнут перемывать кости. Так что всё было как обычно. Единственное отличие было в том, что был запрет на установку камер внутри помещений, где вы бываете. Нужно было ограничиться, только наружным наблюдением. Мы списали это на то, что внутри и так есть камеры, и что там происходит, муж знает и без нас.

– Не было никаких камер нигде, в них не было необходимости... – Артёмова опять замолчала на самом интересном

месте.

Танич выдержала небольшую паузу, вдруг продолжит, но увидев, что нет – продолжила сама.

– Так или иначе, камеры внутри мы не ставили, и сейчас понятно почему. Если бы мы это сделали, то это, точно, стало бы известно мужу, как и то, что нас наняли следить за вами, чего он не поручал. Через три недели наблюдений, мы пришли к выводу, что подозрения не подтверждаются, и сделали соответствующий отчёт об этом. Отчёт, естественно, к вашему мужу не попал. Для него мы проверяли безопасность, и соответствующий текст о проделанной работе, как и закрывающие акты, тоже были сделаны. Так что по бумагам, мы проверили безопасность перевозок, и никаких изъянов не нашли. А неформально, мы подробным образом составили график ваших передвижений, и именно это было нужно Шаталову.

– Зачем ему это было нужно?

– Для того, чтобы убить вашего мужа, в то время в которое у вас не окажется алиби. Потому что на вас, это убийство и должны были свалить, и у них это почти получилось.

– Какой кошмар, а какая польза Шаталову от убийства мужа?

– У Шаталова был давний роман с первой женой Артёмова. То есть, на самом деле, инициатором преступления был не Шаталов, а первая жена вашего мужа.

– Господи, ей-то зачем? Он же платил ей деньги – живи,

радуйся...

– Это да. Все счета своей бывшей жены, ваш муж скрупулёзно оплачивал, да ещё давал сверху на безбедное существование, кроме... Кроме её трат в казино. А они были, и не малые. В конце концов, и эти счета тоже оплачивались, но каждый раз со скандалом, в надежде, на то, что постоянная нервотрёпка её остановит. Однако не останавливала. Ваш муж терпел это транжирство, до совершеннолетия детей и, как только младшей девочке исполнилось восемнадцать, он тут же отправил её подальше в Англию. А бывшей жене, очевидно, сказал стоп, и перестал оплачивать её проигрыши в казино. Оплачивать-то он перестал, только она не перестала играть, и очень скоро сумма долга превысила все её доходы. Её перестали пускать в казино, да ещё и надели со всех сторон, требуя выплаты долга. Что делать? Вот она и подбила Шаталова на убийство вашего мужа, чтобы после его смерти, получить деньги в качестве наследства, а убийство свалить на вас.

– А она могла что-то получить?

– Это я уж не знаю, но видимо, да, что-то причиталось. И это «что-то» стоило того, чтобы пойти на убийство.

– Ужас.

– Да это ещё что? Тут хоть повод серьёзный – деньги и немалые. Большинство убийств в нашей стране вообще бессмысленные. Бессмысленные по смыслу, извиняюсь за тавтологию, и бессмысленные по жестокости. Только в моей прак-

тике был случай, когда 45-летняя женщина зарезала ножом своего 52-летнего мужа за то, что он лежал на диване, когда она клеила обои. Её особенно возмутило, что он сослался на усталость, когда она попросила его помочь ей. И это не была семья алкоголиков, это была нормальная семья, они оба работали, имели сына 16-ти лет. По всем внешним меркам – абсолютно нормальная семья, а вот, поди ж ты.

– Ох, а вы работали в милиции раньше?

Так, это плохая тема, следующий вопрос будет: – «Почему ушла»? Нужно упредить.

– Да, но это тяжелая работа каждый день иметь дело с грязью, и ты либо измажешься, либо станешь законченным циником, либо уйдёшь. Я выбрала третье. В этом смысле, в частном агентстве сильно легче, а зарплата больше.

– Понятно. И что, в основном, приходится делать в агентстве?

– Проверка бизнес партнёров, супружеская неверность, поиск пропавших людей и конечно обеспечение безопасности.

– А убийства?

– Почти нет, если только милиция не справилась.

– Как в моём случае?

– Нет, в вашем случае они, как раз справились. Они нашли вас, и у них были все доказательства, что вы виновны. У них была видеозапись с нескольких камер, как ваша машина приезжает в подземный гараж вашего дома. Потом жен-

щина очень похожая на вас выходит из неё, заходит в лифт и открывает дверь квартиры своим ключом. После чего заходит, и выходит из неё, и главное, что время смерти совпадает с этим посещением. Они естественно, допрашивают, и проверяют вас, и выясняют, что у вас нет алиби. Всё, дело раскрыто.

– Да, именно так и было. Как же вы сумели опровергнуть всё это?

– На ваше счастье, мы, по халатности, не сняли камеры, которые установили для слежки за вами. О чем не знали преступники. И что важнее – они не знали, где они висят. Поэтому когда я узнала, что вы главный и единственный подозреваемый, я проверила, живы ли камеры и что они наснимали. Камеры показали, что Шаталов, пока вы работали в мастерской, сел в вашу машину и поехал к вашему дому.

– Как он сумел открыть машину?

– Это совсем просто – вашу машину обслуживали сотрудники вашего мужа, вы ведь не сами ездили на ТО и прочее?

– Нет, конечно. Кто-то следил за этим, я даже не знаю кто. Со мной только согласовывали время, чтобы мне было удобно.

– Вот-вот, поэтому для Шаталова узнать, пароли, коды и прочее не составляло никакого труда. Второй дубликат ключей тоже хранился на фирме мужа, у диспетчера по автопарку, и Шаталов, конечно, знал где они лежат. Но всегда, даже в самом продуманном плане, существуют мелочи, кото-

рые всё сводят на нет. Так и здесь – по дороге из мастерской к вашему дому он подобрал свою любовницу, бывшую жену вашего мужа. Я проверила маршрут на станции обслуживания спутниковой сигнализации, которая стояла на вашей машине. На маршруте машина сделала странный крюк, и останавливалась, как раз под камерами одного из филиалов Альфа-банка. Там в службе безопасности работает один из моих бывших сослуживцев, с ним мы посмотрели запись камеры, и увидели, как в машину к Шаталову садиться его любовница, в одном из ваших платьев. В машине она надела парик, стала очень похожей на вас, и они поехали дальше. Когда следователи получили эти материалы, всё остальное было делом техники.

– А как же охрана? Куда смотрела охрана мужа? Перед дверью квартиры всегда стоит охранник, внутри нет. В квартире Виталий не любил посторонних людей, но снаружи-то всегда охраняли.

– Тут есть странность, согласна. Дело в том, что охранник оказался внутри квартиры, более того он был в ванной, принимал душ. Там его, бывшая жена и застрелила. А мужа она застрелила в спальне, очевидно, он спал. Я не видела места преступления, поэтому составить картину происшествия не могу. Со слов следователей, он был застрелен тремя выстрелами, и лежал раздетый возле кровати, очевидно, вскочил с постели, когда услышал выстрелы в ванной. Хотя, если бы он не был женат на вас, и не имел троих детей от первой жены,

я бы подумала, что он и его охранник готовились, оказаться в одной кровати...

– Так, скорее всего и было, наш брак был фикцией. Ему он был нужен как прикрытие, своих тайных пристрастий. Мне был выгоден материально, так как он оплачивал все мои потребности. Вначале это было лечение мамы, а потом моих выставок...

«Слава богу, вот и ответ на все вопросы. Значит, у меня есть шанс».

– Понятно, ну это меня не касается, если вам так было удобно, то и слава богу. После того как Шаталова и бывшую супругу арестовали, они на перегонки стали рассказывать всё, чтобы свалить вину друг на друга.

– Ничего себе... А почему милиция не проверила маршруты машины?

– Охота была им напрягаться? Преступник у них уже был – Вы. А куда вы там заезжали на машине – какая разница?

– Получается, из-за обычной халатности, из-за камер, которые забыли снять, удалось раскрыть преступление и спасти меня?

– Получается так... Но как говАривал один мой знакомый: – «Случайность, это неосознанная закономерность».

– Что это значит?

– Пока не знаю...

«Всё я знаю, камеры я не сняла специально, но ей об этом знать не нужно».

Помолчали каждый о своём, Артёмова переваривала услышанное, а я с сожалением понимала, что если сегодня она меня никуда не пригласит, тот план «Б» в котором это сделаю я, уже не получится. Как после такого рассказа я могу пригласить её в постель? Никак. Нужно быть законченной сволочью, чтобы предложить это теперь. В любой даже самой вежливой форме это прозвучит как: – я вас спасла, теперь отработайте... Плохо. Остаётся ждать. А ждать чего, кстати? Допустим, она уловила мой интерес и из благодарности пойдёт мне на встречу. Например, сейчас скажет: – «Дорогая Татьяна, поедemте ко мне, позанимаемся сексом в охотку, в благодарность за спасение». Мне это нужно? Точно, нет. Получается сегодняшний вечер по любому ничем «таким» закончиться не может – жаль. И кстати, а кто сказал, что она лесбиянка? Чего я тут себе фантазирую? Да, при определённом желании некоторые сцены в её мастерской, что я с таким удовольствием наблюдала, можно трактовать как интерес к женщинам. Да, некоторые её взгляды на меня, тоже можно трактовать как интерес ко мне. Ну, и что? А можно и не трактовать. Чёрт, я запуталась».

– Хватит о преступлениях, а то я смотрю, вы заскучали. Как вы относитесь к современному искусству?

– Никак не отношусь, если бы не вы, то я даже не знала, что оно существует.

– А мои картины видели?

«Что ей ответить? Сказать да. Тут же спросит где? А где

я могла их видеть? Сама только что сказала, что искусством не интересуюсь. Сказать, что была в её мастерской? Нельзя, тут же у неё появится вопрос «Зачем?», даже если она его не задаст. Хорошего ответа на него нет. Так пауза затягивается, нужно что-то отвечать»:

– Да видела, в интернете смотрела.

– Это совсем не то. Живопись нужно смотреть живьём. У меня скоро выставка в ЦДХ, я вас приглашаю.

Слава богу, хоть куда-то она меня приглашает. Значит, всё не так уж и плохо.

– С удовольствием.

– Отлично. – Она порылась в сумочке и достала приглашенный билет. – Вот приглашение на вернисаж. Оно на два лица, так что можете прийти со спутником... или со спутницей.

Это прощупывание? Ей интересно есть ли кто-то у меня? Это хорошо.

– Спасибо, я приду одна. Это дата? Так это совсем скоро. Что из себя, представляют такие мероприятия? Я ни разу не была, и не знаю, что нужно одевать, что делать?

– Ничего не нужно. Я, к сожалению, ПОКА, небольшая знаменитость, чтобы у меня собралось много гостей, но думаю, человек сто будет. Кто-то из прессы, кто-то из покупателей, кто-то из галеристов. Все будут ходить, смотреть картины и говорить, как всё здорово, как всё талантливо. Но пресса потом ничего не напишет, покупатели ничего не ку-

пят, а галеристы ничего не предложат.

– Зачем же тогда всё это устраивать?

– Ну, может быть не всё так пессимистично, как я сказала. Кое-что, всё-таки напишут, особенно в интернете, и кое-что, всё-таки купят, особенно по мелочи. А без этого совсем пустота. Если сидеть в мастерской, только писать картины и не делать чего-то в этом духе, то тебя как бы и нет. Отсюда шумные скандалы и эпатаж – пресса любит скандалы. Если художник что-то отчебучит, например, походит голым на ошейнике, как собака. Все сразу напишут, что художник такой-то, вон чего учудил и, может быть, покажут его картины и, может быть, пригласят на ТВ или радио, где он поучаствует в какой-нибудь глупой дискуссии, но сумеет донести, что он молодец и, что у него в голове, что-то есть. А чем больше ты на слуху, тем больший интерес и к твоим картинам.

– Ох, как сложно.

– Да, в общем нет, не сложно. Вон недавно приезжал Дэмиен Хёрст, проводил открытые семинары. Знаете такого художника?

– Стыдно признаться, но нет.

– Наверняка знаете, просто ни к чему. Сейчас вспомните. Он прославился своей акулой в формалине.

– А, чучело акулы в таком стеклянном ящике?

– Вот-вот. Стеклянный аквариум с тигровой акулой внутри, все обратили внимание на акулу лишь потому, что она была продана на аукционе в 2004 году за 12 миллионов дол-

ларов. Именно сумма всех покорила и шокировала.

– И это понятно. Что тут такого сложного? Это ведь настоящая акула, не раскрашенный макет?

– Да, совершенно настоящая.

– Почему же так дорого? Тому, кто купил её за эти деньги, не пришло в голову самому купить акулу у рыбаков и положить её в формалин? Наверняка, сильно сэкономил бы.

– Дело не в трудоёмкости предмета искусства, дело в смыслах в него заложенных. Чучела делают ремесленники, а деньги, тем более большие, платят не за ремесло. Вон в магазине «Охотник», полно чучел, но миллионы они не стоят, потому что кроме смысла, что это чучело, другого в них нет. У Хёрста, эта работа называется: «Физическая невозможность смерти в сознании живущего». Из цикла мёртвые животные, в котором, кроме акулы, были сделаны ещё овца и корова.

– Интересно он живых животных убивал ради своих произведений?

– Нет, настоящая только акула. Её тушу он купил в Австралии за 6000 \$.

– А продал за 12 миллионов?

– Да.

– Ловко.

– Да купил тушу за шесть тысяч, наделил её смыслом и продал за двенадцать миллионов. Если из двенадцати миллионов вычесть стоимость туши, то получим цену смысла в современном мире.

– Да уж.

– Я была на его семинаре, и получила огромное удовольствие. Херст не пустышка, у него действительно интересный взгляд на искусство, на художника, место и того и другого в современной жизни и их влияние на неё. Очень интересно и как результат – самый богатый современный художник. Его состояние оценивается в сумму, превышающую двести миллионов долларов, а может фунтов не помню, что в общем без разницы.

– А ваши работы дорого стоят?

– Они стоят столько сколько за них дают. Пока дают немного.

– Понятно...

Через час у подъезда Танич

– Спасибо что подвезли, всё было очень приятно, и вечер, и еда, и ваш рассказ об искусстве...

– С удовольствием продолжу нашу беседу на вставке, буду вас очень ждать....

Мы сидели в её машине, в пол оборота друг к другу, и в какой-то момент, мне даже показалось, что она наклонилась ко мне для поцелуя. Как замороженная, я засмотрелась на её губы, но дальнейшего движения, с её стороны, не последовало, и с моей стороны тоже. Жаль, очень жаль.

– Договорились, всего доброго.

Я вышла из машины. – Почему ты её не поцеловала? Поцелуй – хороший вариант прощупать ситуацию. С одной сто-

роны ни к чему не обязывает, а с другой очень многое может сказать. Как бы она среагировала на поцелуй? Если бы сидела пассивно, а тем более возмутилась – одно. Ответила бы на поцелуй – совсем другое... Да? Так просто? А если бы она возмутилась, что бы ты стала делать? Да ничего. Извинилась бы, и всё. Зато всё ясно и можно было бы закрыть тему, как впрочем, и в варианте пассивной реакции на поцелуй. А вот если бы ответила, то... – Танич глубоко вздохнула, и с силой выдохнула. – Да уж. Теперь чего рассуждать, поздно – уехала. Когда теперь представится такой момент... раззява. А куда она поехала интересно? В мастерскую? А вдруг? Поехать за ней, вдруг будет работать? Камеры на месте, за комнатку этажом ниже я заплатила сильно вперёд. Оборудование всё там, включай, смотри за ней, и оргазм обеспечен и ей, и мне.

Захотелось, сильно захотелось этого, соски стали твёрдыми и чувствительными. А вдруг не поедет, буду мотаться туда сюда или ещё хуже просижу там всю ночь в ожидании... Дома есть все видео файлы из её мастерской, которые я никому не показывала и которые заводят, сколько их не смотри. От одной мысли, что сейчас сяду перед компьютером, включу видео, раздвину ноги и опущу руку ТУДА – потемнело в глазах. Сумасшествие какое-то. Тебе сколько лет? – Пока задавалась этим вопросом, приехал лифт. Вошла, прижалась лбом к холодной стенке – скорей-скорей двигайся, а то прямо в лифте начну себя гладить... наконец-то приехал. Вошла в квартиру, сняла туфли и отправилась в душ. Там

начала раздеваться перед зеркалом. Медленно сняла блузку и юбку, оставшись в одном белье, стала рассматривать себя. Соски просвечивали сквозь полупрозрачный лифчик. Красиво. Захотелось потрогать их и почувствовать насколько они чувствительные. Подняла руки и подушечками указательных пальцев, стала водить по соскам через ткань. Очень чувствительные. Расстегнула бюстгальтер, пошевелила плечами, и он упал на пол. Так же медленно сняла трусики, ТАМ всё горячо и влажно. Зашла в душ, включила воду, выдавила гель на руку, намылила ладони, и стала водить ими по всему телу. Заводит, ещё как заводит. Представляю, что мы вдвоём с НЕЙ в душе, и это её ладони. Одна рука оказывается между ног, а вторая остаётся на груди. Всё не могу больше терпеть. Движение руки между ног ускоряется, и в такт ему, пальцы другой руки покручивают левый сосок. Боже, Боже, сейчас, уже сейчас – теплая волна оргазма выгибает тело дугой. Я с трудом удерживаюсь за стены. Хорошо, о-о-о как хорошо. Но ещё хочу. Мало. Возбуждение не проходит. Вытираюсь большим махровым полотенцем и, завернувшись в него, иду к компьютеру – ещё хочу...

Три недели назад Третьяковка. Воронина.

Мир остановился, ничего неинтересно и выхода из этого нет. Те два часа, что Халитова ждала звонка своей ведьмы, будут ещё долго стоять перед глазами. Вот это любовь... Вот

это чувства... Она ничего не делала, просто ходила из угла в угол, но это было так сильно, так трагично. Все нервы натянулись как струны, один шорох и порвутся. Она ждала звонка, и она боялась его. Господи, будет ли меня так кто-нибудь ждать? Она уж точно не будет, тут нет никаких шансов. Их связь не разорвать. Только зависть и боль, вот что у меня есть. Зависть, боль и ужас, что такого как у них, у меня не будет никогда. НИКОГДА. Потом звонок, я вздрогнула, Семён Яковлевич даже уронил что-то. А Халитова, когда увидела что это её номер, с таким облегчением и надеждой нажала кнопку телефона, такая тяжесть свалилась с её плеч...

– Да! Наконец-то. Всё в порядке? Слава богу. Сама не ранена? Не обманываешь. Фу-у-у, как я боялась за тебя, Господи, как я боялась. Где ты? Подольск? Понятно, сколько ещё будет идти операция? Понятно. Я сейчас приеду к тебе. И никуда больше одну не отпущу, слышишь? Никуда. Жди я еду.

И уехала, стремительная и счастливая. А я осталась... Ну почему её не убили?

– Люба не отставай.

Я вздрогнула и осмотрелась вокруг, мы проходили залы с живописью первой половины девятнадцатого века. Девчонки из группы уже входили в следующий зал Третьяковки. Я прибавила шаг, и почти натолкнулась на них в седьмом зале. Они остановились у картины Боровиковского «Портрет Ма-

рии Лопухиной».

– Правда, улыбка кривоватая какая-то.

– А по мне так нормальная.

– Да, и розы смотрят вниз, всё как говорила Халитова.

– Ой девочки, она сейчас так глянула на меня, что просто ужас.

– Чё ты гонишь опять? А? Глянула она на неё... Делать ей больше нечего.

– Вот только не начинайте опять, вы обе. Отойдите в стороночку и чегокайте друг другу сколько влезет

– А ты здесь главная, да? Может, это ты отойдёшь?

– Я так и сделаю, только вы ведь пойдёте за мной.

И они пошли дальше, а я осталась. Что она там говорила? Что Лопухина смотрит по разному? Я пару минут смотрела с одного боку, а потом сделал несколько шагов, чтобы посмотреть с другого.

– Вы ей понравились.

– Что? – я оглянулась на симпатичную девушку, которая стояла чуть в сторонке и тоже смотрела на портрет. – Что? Это вы мне?

Она засмеялась весёлым приятным смехом. – Конечно вам, больше здесь никого нет. А вот на меня она не смотрит совсем.

– Этого не может быть, портреты всегда рисуют так, что они смотрят на человека. Боровиковский один из немногих художников кто не только глаза умел рисовать, но и взгляд.

– Это уж точно, но прямо сейчас она смотрит на вас и очень приветливо. Мне даже завидно. Меня Мария зовут, я работаю в Историческом музее, а вы наверное студентка? Ваши подруги только что были здесь. На них она без интереса смотрела.

– Да, я заканчиваю третий курс МГАХИ.

– Понятно.

– Вы тоже слышали, что этот портрет смотрит по разному?

– И слышала и вижу, прямо сейчас.

– А ещё, он крадёт души...

– Только одинокие, она забирает одинокие души, и тот, у кого она заберёт душу, скоро умирает. У-у-у, – она тихонько завывала, имитируя приведение.

– Я засмеялась, это было очень весело и смешно.

– Я, тоже, слышала эту легенду. Жаль что это только легенда, я бы с удовольствием отдала свою душу...

– Что за глупости, зачем это вдруг? Я вижу у вас сейчас тяжело на душе, но уверяю вас, это пройдёт. Вы на каком факультете?

– Живопись

– О, художник? Завидую, мне пришлось стать искусствоведом. Художник из меня от слова худо.

– Ну пока ещё не художник, но стараюсь.

Незаметно мы вышли из музея и оказались возле какой-то кафешки, она посмотрела на двери, и предложила попить чаю.

– Зайдём? Расскажите мне, что вы рисуете.

Они вошли в кафешку, сели за столик и сделали заказ.

– Лучше всего у меня получается копировать классику. Сейчас сделала несколько рисунков Малявина, хорошо получилось. Нужно будет ещё пять-шесть рисунков большого формата сделать и частично с красками. Это у меня хорошо идёт, так что быть мне копиистом.

– Здорово, а я только в стиле Пикассо могу. Квадратные головы и кривые линии мой конёк. А ещё лучше Баския, я даже стрит-артом пробовала заниматься.

– Так это же здорово. Это, как раз, модно и стоит денег. А рисовать берёзки с коровками – полный отстой. Это никому не нужно.

– Это тоже никому не нужно, художником быть здорово, но тяжело. Сложно пробиться, везде нужны связи. Вон, стоит попасть к Гельману или к Салаховой и всё, что ни нарисуй, всё прокатит. К ним потусоваться приходят богатенькие люди, которым деньги не лезут в карманы. Что они им скажут, то те и берут. Но как к ним попасть? Я отправляла Гельману свои работы – никакого ответа. Делать выставку самой – очень дорого, мне год нужно будет ничего ни есть, ни пить и то не накоплю.

– Нужен спонсор.

Надо же, в первый раз знакомлюсь с кем-то на улице. Она ничего миленькая, правда, худенькая и бледная, но зато живая и приятная. Может быть, бог опять меня услышал? Че-

го я заклинилась на этой Халитовой? – Сердце предательски ухнуло вниз. – вот зараза, только вспомнила и сразу всё хорошее настроение улетело.

– Ты мне не сказала, как тебя зовут?

– Люба, Люба Воронина.

– Дай мне свой телефон, буду звонить тебе, когда станет одиноко.

– Зачем ждать этого, так звони. Сходим куда-нибудь, как сейчас. Мне понравилось.

– Отлично, мне тоже. – Вдруг она потянулась и поцеловала меня в щёку. Какие губы нежные... – я совершенно свободна, особенно сейчас. А если любишь привидения, я могу провести тебя ночью в Исторический музей. Вот где полно привидений. Я сама видела несколько раз что-то. Жутко, но прикольно.

– Да? Это здорово. Там же у вас «Сухарева башня» Саврасова висит. Небось, дух Якова Брюса летает рядом.

– Нет, Брюса не видела, но картина правда страшная.

– Правда? Я живьём её не видела ни разу.

– Вот как... А хочешь?

– Интересно, конечно.

– Что сегодня вечером делаешь?

– Ничего вроде...

– Я сейчас в ГИМ как раз иду, и если на вечер планов нет – приходи. Пошатаемся по музею вместе, а если повезёт, то и картину посмотрим.

Люба с недоверием посмотрела на свою новую знакомую.

– Было бы здорово, а как пройти?

– Сегодня четверг и музей работает до девяти вечера. Подходи к главному входу в половине девятого, я выйду и проведу тебя. Потом, когда все разойдутся, походим одни.

– А можно? Охрана не выгонит?

– Я предупрежу их, что мы погуляем, не беспокойся.

– Хорошо.

Наше время. Танич, в кабинете загородного дома Рыкова.

Кто этот человек напротив меня? Что из себя представляет? Седой, хотя старым назвать нельзя, лет пятьдесят-шестьдесят. Интеллигентное и даже интересное лицо, но крайне неприятное. Есть в нём отчётливая надменность. Сидит, молчит, а я как будто слышу: – «Я всё, ты ничто. Я говорю, ты слушаешь. Я могу всё, а ты ничего. Я главный, а ты всегда дура». Я для него мелочь, как и все остальные, по странной случайности, попавшаяся ему на глаза. Сидит, смотрит, взгляд отстранённый, рассматривает меня, как насекомое. Наверняка, досье прочитал вдоль и поперёк, чего смотреть-то? Очень тяжёлый человек и не стремиться выглядеть лучше. Пофигу ему на то, как он выглядит. У него важные дела, а мы его отвлекаем. Хотя тут как сказать, в данном случае не мы его, а он нас, да что там нас – меня кон-

кретно, отвлекает на свою прихоть. Так, пора эти гляделки заканчивать.

– Вам есть, что мне рассказать, прежде чем я приступлю к изучению материалов дела?

– Почему вы уволились из МВД?

«Опа, так я на допросе, оказывается. Забавно. Придётся расставить точки над *i*, может и к лучшему, что так сразу».

– Это не ваше дело.

Лицо генерала, изменилось, желваки слегка заиграли, а прищур глаз стал жёстче.

«Надо же, удивился. – Татьяна внутренне напряжинулась. – А чего ждал интересно, задушевного рассказа?»

– Теперь моё. – Тон стал угрожающе приказным, таким голосом хозяин собаки, отдаёт команду: – К ноге.

– Понятно, тогда я, пожалуй, пойду. Мне ошибочно сказали, что нужно помочь в расследовании смерти вашей дочери. Но раз это не так – прощайте.

Я поднялась и направилась к выходу. Серьёзно направились, не для видимости – я действительно намерена уйти. В гробу я видала и его самого, и его расследование, не хватало ещё, чтобы он копался в моей жизни – козёл.

– Я вас не отпускал. Вернитесь и ответьте на вопрос.

«Ах, вот как, крутой, значит? Сейчас я тебе устрою». – Я резко развернулась и стремительно подошла к нему. Наклонилась почти вплотную, и твёрдо спросила. – Ты убил свою дочь?

Генерал опешил, но быстро пришёл в себя:

– Что? Что ты себе позв...

– Говори, ты или нет? За то, что она лесбиянка убил? – В его взгляде появилась растерянность. – За это убил её?

Он переменялся в лице, взгляд опять изменился, стал бешеным и затравленным одновременно. – «Надо же попадание. Надо дожать».

Генерал резко поднялся со стула, и оказался выше Татьяны на голову.

– Что ты несёшь? Ты... – он шагнул на неё, и замахнулся.

В этот момент Татьяна сделала шаг в бок, и ударила пяткой ноги под сгиб обеих ног сзади, чем подкосила ФСБэшника так, что он брякнулся перед ней на колени. Потом быстро зашла за спину и перехватила горло удушающим приёмом. Генерал попытался вырваться, но Татьяна упёрлась ему коленом в спину, и сдавила горло удушающим ещё сильнее. Он захрипел, но дёргаться перестал, потому, что после каждой попытки вывернуться она сжимала хватку. Танич выждала секунду, и чуть ослабила хватку.

– Говори сука, ты убил?

– Пусти, пусти нечем дышать. Нет не я, не я...

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и в него влетели двое охранников, вытаскивая на ходу оружие.

Татьяна, не обращая внимания на охрану, продолжала давить на генерала:

– Повтори, не слышу. Знал, что она лесбиянка?

– Да, знал.

– Ты за это её убил?

– Нет, я не убивал.

Татьяна сильно оттолкнула его коленом в спину, и ФСБэшник мешком повалился на пол. После чего выпрямилась и твёрдо пошла на выход. Охранники с ужасом смотрели на происходящее, но мешать ей не стали.

– Я тебя уничтожу, тебя и твоего Рудкова... – хрипел генерал, пытаясь подняться, но это давалось ему с трудом.

– Пошёл на хуй мудака. – Татьяна поравнялась с одним из охранников. – Портфель не понадобился и спрячьте оружие, а то пораните генерала, не дай Бог. – После чего беспрепятственно вышла из кабинета и с такой силой хлопнула за собой дверью, что задрожали окна на всём этаже особняка генерала. Потом спустилась во двор, села в машину и рванула с места, изо всех сил нажав педаль газа в пол. – Если не успеют открыть ворота – вышибу их к чёртовой матери. – Но ворота открыть успели.

Через час она входила в кабинет своего начальника Рудкова, не спрашивая у секретарши, свободен он или нет. Рудков сидел за своим столом над какими-то бумагами. Недовольно поднял голову, на бесцеремонное вторжение, но увидев Татьяну, сразу понял, что случилось что-то ужасное. Заиграл желваками, и поднялся ей навстречу.

– Что случилось?

– Час назад, я набила морду нашему с вами клиенту, ге-

нералу ФСБ Рыкову.

– Что?

– Я готова написать заявление об уходе.

Наступила пауза, во время которой Татьяна спокойно ждала решения, а Рудков несколько раз менялся в лице. Вначале побледнел, потом пошёл пятнами, а когда до конца осознал сказанное, и кровь прилила обратно – покраснел. – «Чувствовал. Ну, чувствовал же, что дело говно. Не нужно было браться». – Автоматически достал носовой платок из кармана, и промокнув выступившую испарину, показал ей на стул.

– Садись, рассказывай...

Через полчаса

– И охрана тебя не застрелила?

– Нет.

– Повезло, хорошие ребята попались. А то могли и ...

– Могли, но Андрей, его помощник, нормальный парень и по его виду не было видно, что он расстроен за шефа.

– А как ты узнала, что его дочь лесбиянка? На пушку взяла?

– Не совсем. Отметать версию, что по каким-то причинам он сам и есть убийца – нельзя. А по каким причинам родной отец может совершить такое преступление? Только в случае, если ребёнок окончательно допёк. Чем можно до-

печь? Первое это наркотики, ну или обобщённо – некие аморальные преступления с ними связанные. Вторая версия – за какое-то поведение бросающее тень на репутацию. И отсюда, сразу, вытекает секс. И первое что нужно проверить это инцест и гомосексуальность. Инцест понятно, если папа состоял в «такой» связи с дочерью, а та вдруг, решила его сдать, у него не остаётся выбора, кроме как убить её. С гомосексуальностью то же самое, если ребёнок гомосексуалист, а родители относятся к этому отрицательно, да ещё пытаются бороться с ним, то результатом может быть, как самоубийство ребенка, так и убийство, если конфликт зайдёт далеко. Я начала со второго, допустим она лесбиянка. Как это проверить? Она уже взрослая и, наверняка, делала попытки, найти себе подобных. Я разослала её фотокарточку нескольким известным лесбийским клубам, с вопросом: – не появлялась ли она у них. Из одного мне ответили, что да, бывала у них такая девушка несколько раз и даже, с кем-то знакомилась.

– Так просто – «Разослала и ответили»?

– Нет, ну понятно, что отправляла знакомым, которые, как вы догадываетесь, у меня есть в этой среде.

– А, ну да. Извини. Давай дальше – «Ответили» и что?

– Я съездила туда, и нашла девушек, с которыми она общалась. Случай плохой. Она им жаловалась на сложные отношения с отцом, что её прессуют по полной разными запретами, но что гораздо хуже пытаются её вылечить.

– Как же это?

– Этого я пока не знаю, но предполагаю, что психологи промывали ей мозги. Чушь конечно полная, потому, что это не заболевание. Вот вам Виктор Михайлович, могут психологи промыть мозги, так что вы начнёте интересоваться своим полом?

– Рудков подумал секунду, потом поперхнулся и выдавил. – От одной мысли затошнило, гадость какая...

– Вот именно. Но прессовать этим, и загнать в беспросветную депрессию можно.

– Понятно, и что? Думаешь, он убил?

– Нет, не убивал. Когда я задала ему прямой вопрос: – знает ли он об ориентации дочери? Он испугался, но испугался так, как боятся за дорогого человека. Он знал о её ориентации, и хотел бы это скрыть, чтобы тень от её интересов не падала ни на неё, ни на него. Именно скрыть и защитить её, даже после её смерти.

– И что теперь?

– Теперь будет скандал, и у Вас будут проблемы.

– Это я понял. Про заявление об уходе забудь, потому что я хочу, чтобы ты стала, наконец, моим замом. Ты обещала подумать в прошлый раз. Подумала?

– Опять вы за своё... Ну как я, маленькая женщина, буду строить сорок здоровых мужиков?

– Смеёшься что ли? Да как только сюда дойдёт слух, о том, что ты надавала пиздюлей действующему генералу ФСБ – тут и строить никого не нужно будет. Все сами по струнке

ходить начнут.

– Ладно, давайте посмотрим, чем закончится скандал...

– Всё, ловлю на слове. Не бойсь прорвёмся, я тебя не сдам.

– Так он и вам обещал устроить кузькину мать.

– Это мы ещё посмотрим, кто кому устроит...

У него зазвонил сотовый телефон. Виктор Михайлович посмотрел на номер:

– Ну вот и они, неприятности. – Он опять заиграл желваками, собрался и ответил. – Здравствуй Сергей Палыч. – Затем нажал кнопку громкой связи, чтобы Татьяна тоже слышала весь разговор.

– Привет Витя, привет дорогой. Я сразу к делу, только что звонил Рыков, просил организовать с тобой встречу, завтра во второй половине дня. Что-то у него случилось с твоей Танич. Сказал, что был не прав и что хочет, чтобы расследование продолжалось. Объяснять ничего не стал, сказал ты в курсе.

– Да я в курсе. Неожиданно. Ладно, давай встретимся.

– Часиков в пятнадцать он готов приехать к тебе в офис. Нормально?

– Да нормально.

– ДобрО, так ему и передам. – и нажал отбой.

Танич и Рудков посмотрели друг на друга.

– Поняла? А ты говоришь скандал... А на самом деле: – «он был не прав», едрёна мать. А это знаешь что значит? –

Он подошёл к селектору связи и нажал кнопку. – Светочка.
– Слушаю Виктор Михайлович.
– Соедини меня с кадрами.
Света чем-то щёлкнула, и из динамика ответил новый голос.

– Кадры, Сахарова. Слушаю Виктор Михайлович.
– Валентна Петровна, подготовьте приказ о назначении Танич моим первым замом.
– Хорошо, с какого числа?
– С завтрашнего.
– Хорошо. Всё?
– Да.

Государственный Исторический музей. Воронина.

Какое жуткое место, оказывается, особенно сейчас, когда здесь никого нет и темно. Скелеты, старые вещи, хоть и за витринами, но как будто живые и смотрят на тебя от туда. Мрачное место и угрожающее. Шорохи какие-то по углам. Хорошо хоть Марина рядом, одна бы я уже бежала к выходу и кричала караул. Действительно, если есть привидения, то здесь им самое место. Марина, увидев мой испуг взяла меня под руку и мы идём как две старые подружки. Даже не верится, что познакомились только утром. Мне приятно идти с ней рядом. Она прижимает мою руку к себе, когда хочет обратить на что-то внимание, и таскает от одной витрины к другой. Интересно, как она сумела договориться с охраной? Никогда не думала, что так можно сделать. Она встре-

тила меня у входа, но повела не через центральный подъезд, а сбоку через служебный, где просто кивнула охраннику, и мы прошли. Сразу за охраной, через какую-то боковую дверь мы спустились по винтовой лестнице вниз, а дальше шли по длинному коридору, и сделав несколько поворотов, так что я окончательно потеряла направление, попали в маленькую комнатку со сводчатыми потолками и несколькими заваленными книгами и бумагами столами. Отдельно в углу примостился компьютер. Небольшие оконца в комнатке находились под самым потолком, из чего стало понятно, что мы находимся в полуподвальном помещении. Но куда они выходили, я так и не поняла. При ближайшем рассмотрении всё, что находилось в комнатке, было антикварным и даже столик под компьютером, тоже был от какого-то гарнитура 18-го века.

– Здорово, это твоё рабочее место?

– Да, тесновато конечно, но что делать...

– Мне нравится, только холодно.

– Сейчас вскипачу чайник. – она включила электрический чайник и бросила два пакетика с чаем в две чашки.

– Сейчас как раз попьём чайку, согреемся пока там наверху, все разойдутся.

– А нас не арестуют?

– За что? Я часто остаюсь на полночи, а то и на всю ночь, не переживай. Тут не такая бдительная охрана как кажется. Половина видеокамер не работает, и не потому, что слома-

ны, а сразу не работали, так как их поставили для острастки. Датчики движения есть только в залах, где выставлена ювелирка, но хуже то, что в большинстве залов, даже пожарные датчики не работают. Только-только добились выделения денег на капитальный ремонт. Так что музей в нашем распоряжении.

– Надо же, а где висит картина Саврасова?

– Она не висит, она лежит в запаснике, где и вся живопись. В основной экспозиции картин нет. Их редко достают под редкие выставки. Я думаю, то что там хранится до конца неизвестно никому.

– А как мы туда попадём?

– Я попросила Веру Сергеевну задержаться. – Видя мой вопросительный взгляд, она пояснила. – Это помощница заведующей отделом древнерусской живописи, там в основном иконы, но светская живопись тоже в их ведении. Допивай чай спокойно, и пойдём к ней. А потом пошатаемся по этажам, будет страшно – гарантирую.

Через тридцать минут в хранилище

Хранилище встретило нас неласковым взглядом Веры Сергеевны, и уходящим в глубь веков коридором, зажатым с двух сторон стеллажами до самого потолка. Жутко, тускло и холодно. – Какое неприятное место и как она здесь работает целый день? – Люба тихонько рассматривала Веру Сергеевну, пока они с Мариной шли за ней до нужного места. – Молодая интересная, но держится так, что даже в голову не

придёт называть её без отчества. А может быть, она и живёт здесь? Вдруг здесь есть специальные ниши для людей? – Люба со страхом представила себе как Вера Сергеевна встаёт в такую нишу, и стоит там до утра, уставившись в пустоту немигающим взглядом – ужас. Она поёжилась и с опаской подумала: – Что-то мы долго идём уже. А вдруг она монстр и хочет завести нас в какое-нибудь страшное место. – Люба схватила руку Марины, и сжала её.

– Что, не ожидала увидеть здесь такие катакомбы? – Марина тоже крепко сжала руку Любы. – Держись крепче, а то сгинешь тут. Говорят, что некоторые сотрудники пропадали в этих коридорах навсегда. – И повысила голос, обращаясь к провожатой. – Вера Сергеевна, расскажите нам историю о пропавшем стажёре... – и в полголоса к Любе: – Недавно было, всего пару лет назад.

Вера Сергеевна с укором оглянулась на Марину:

– Хватит пугать девочку, она и так боится, тем более мы пришли.

Они остановились, и Вера Сергеевна показала рукой наверх.

– Картина находится вон там, в нише с номером 128.

Девушки синхронно подняли головы, и в самом верхнем ряду стеллажа, увидели оконце под номером 128. Достать до него можно было, только придвинув массивную лестницу, которая очень кстати стояла неподалёку.

– Ничего себе... Как же вы её двигаете?

– Это точно, работа музейщика тяжела и неблагодарна.

С этими словами Вера Сергеевна, без каких бы то ни было внешних усилий, подвинула лестницу, и привычно залезла наверх. Там, покопавшись немного, достала и уже, с некоторым напряжением, подала им картину.

– Держите, держите крепче – отпускаю.

Мы с Мариной подхватили работу, и очень осторожно, бочком понесли её по коридору в кабинет, который располагался неподалёку.

– Не торопитесь, не торопитесь, здесь рядом, вот сюда поворачиваем. – Мы повернули и упёрлись в закрытую дверь.

Вера Сергеевна протиснулась вперёд, достала ключ и открыла её.

– Неожиданно, зачем здесь запирают дверь?

Хранительница демонстративно проигнорировала шуточный вопрос, только поджала губы, и переглянулась с Мариной, как бы показывая, что не желает тратить время на глупые разговоры.

«Тоже мне, носительницы тайных знаний... – Люба внутренне улыбнулась, но вслух развивать тему не стала»

Тем временем они вошли в комнату и стали оглядываться, куда бы поставить картину.

– Ставим сюда. – Вера Сергеевна показала на один из письменных столов, и помогла аккуратно поставить картину, прислонив её к стене.

– Тускло, свет посильнее нельзя добавить?

– Сейчас, что-нибудь придумаем.

Она включила настольную лампу и направила её на картину, немного под углом, так, чтобы не было видно бликов.. И тут, как по волшебству, всё изменилось: – Мрачные стены хранилища раздвинулись, откуда-то потянуло морозным зимним ветерком, послышался шелест крыльев и карканье ворон, кружащих над башней. Где-то вдали переругивались люди, а ещё дальше брехали собаки. Дым печных труб медленно поднимался вверх, подчёркивая морозное утро.

– Это утро или вечер? – Воронина внимательно вглядывалась в картину.

Марина присмотрелась к небу за башней:

– По моему, утро, хотя ... – Начала было она, но заметила, что Воронина её не слушает.

Та, буквально, впитывала изображение, и говорила скорее для себя.

– Какая громадина, как великан среди лилипутов – странное сооружение, не удивительно, что башню стали окружать легенды и страшные истории. А это вороны вокруг неё кружат или перелётные птицы?

Тут в разговор включилась Вера Сергеевна:

– Считается, что это утро ранней весны и в небе перелётные птицы, хотя возможно, это лишь романтический вариант трактовки того, что мы видим. Саврасов был мастером именно романтических настроений в пейзажах, да и птицы летят, как вы сами можете убедиться, в одну сторону.

– Мне так не кажется, по краскам это скорее вечер, а птицы летят не клином, как им положено, а нарисованы в виде круга. И ни одного живого существа, кроме них – очень зловещая картина...

– Вера Сергеевна, у вас ведь были какие-то папки ещё, то ли с эскизами, то ли с заметками самого Саврасова. Можно и их тоже посмотреть?

– Не помню, но какие-то папки, в той нише наверху, ещё были.

– Я достану.

Марина пошла обратно, и я немного помешкав, тоже, пошла в след за ней. Возле лестницы мы остановились, Марина взялась за перекладины и пошевелила её, проверяя устойчивость.

– Вроде, выдержит, но на всякий случай придерживай, чтобы она не поехала, а то лететь оттуда высоко..

Она стала подниматься, а я, крепко взяв лестницу у основания, стала поднимать голову вслед за ней, вдруг сообразила, что она, в отличие от Веры Сергеевны, в юбке и я, сейчас увижу её ножки, а может быть и больше. Сердце предательски забилося, я осторожно оглянулась в сторону кабинета, словно опасаясь, что меня застукает за подглядыванием Вера Сергеевна – чушь какая. Во первых я слышу, как она роется в ящиках, в своём кабинете, во вторых наверняка услышу её шаги, если она вдруг пойдёт к нам. В третьих – ну и что? Держу лестницу и держу, как ещё можно держать инте-

ресно? Что я вижу, и что я думаю при этом, никого не касается. Успокоив себя этими рассуждениями, я смелее подняла голову, и с удовольствием стала рассматривать ножки Марины. Мне даже показалось, что она специально там копается, давая мне такую возможность. Да, стесняться ей нечего, такие ножки и показывать не стыдно – ровненькие, стройненькие. Захотелось поднять руку и погладить её. Как реагирует? Голова даже закружилась от мыслей об этом. Если сейчас качнётся, дотронусь до неё, как бы придерживая. Ну, давай-давай.

– Тут две папки, одна с номером «128 а», а вторая «128 б». Какую доставать?

Вера Сергеевна услышала вопрос, очевидно, нашла нужную карточку, и подсказала из кабинета:

– 128 а

– Поняла. – Марина потянулась на цыпочках, открывая мне ещё больше возможностей для подглядывания, и я решилась, взялась рукой за её щиколотку.

– Осторожно, осторожно, я боюсь за тебя...

– Держи, держи я, уже дотянулась. – она достала нужную папку и стала спускаться.

– Вот она.

«Пронесло, она ничего не заметила, но как здорово...»

Мы вернулись в кабинет, и положили папку на стол. Вера Сергеевна смахнула пыль, и развязала тесёмки. В папке оказалось огромное количество набросков, в том числе и «Су-

харевой башни». Я почувствовала знакомое головокружение от обилия информации. – Какое счастье видеть всё это. Я хочу всё это воспроизвести, и повторить, и я могу это сделать. Вот тогда ОНА оценит меня, неожиданно для себя я подумала о Халитовой... – В глазах потемнело, и я стала оглядываться в поисках окна.

– Что с тобой? – Марина взяла меня за плечи. – Люба, что с тобой?

– Душно, давайте откроем окно... – И провалилась в темноту.

....

– Копайте, осторожно шельмы, если пробьёте крышку, самих здесь закопаю.

– Барин, мобуть отложим до утра? Зело жутко тут... и гроза вот-вот учнётся, вона как Илья пророк бухает.

– Митрич не гундось. Видишь солдат? Так что бояться нечего.

– Вижу-вижу, но солдаты супротив колдовства не помогут.

Слушая препирательства своего бригадира, перестали капать и остальные мужики.

– Это что бунт?

Офицер взвёл курок пистоля, который держал в руке, и направил его на Митрича

– Мало тебе вырванных ноздрей? Хочешь проверить, что будет если я нажму курок?

Митрич дюжий мужик, понял, что офицер не шутит, перекрестился и взялся за лопату. Его примеру последовали и остальные. Работа продолжилась. Начал накрапывать мелкий дождь.

– Давайте скорее, не хватало промокнуть ещё здесь...

Вдруг что-то гулко стукнуло. Это чья-то лопата ударилась о крышку гроба.

– Осторожно, осторожно, олухи, не пробейте.

Мужики, стоя в глубокой яме, стали что-то аккуратно разгребать внизу, потом подвели верёвки, и с трудом вылезли из могилы, поскользываясь на намокающей от дождя земле. Митрич осмотрел, как всё получилось, подёргал за верёвки, и расставил людей. Сам, тоже взялся за один конец, и сказав, с Богом, вместе с остальными навалился на верёвки, стараясь, вытянуть гроб из могилы. Верёвки затрещали, мужики закричали, но гроб не поддавался. После нескольких безуспешных попыток, тот же Митрич, вытирая шапкой, мокрое от дождя и пота лицо, повернулся к офицеру.

– Барин, нельзя его трогать. Вишь земля не пускает, быть беде. – Мужики остановились и стали опять креститься, а дождь всё усиливался, и раскаты грома становились всё ближе. Неподальёку заржали лошади, и слышалась ругань возничих.

– Стоять холера, стоять говорят. Тпрруу.

Офицер неуверенно огляделся, понимая, что всё пошло наперекосяк, но отступить не стал. Он повернулся и крик-

нул кому-то в темноту.

– Урядник, веди сюда солдат.

Послышалось чавканье ног и в круг неровного света от факелов, вошла группа перепуганных солдат. Митрич, и тут вставил слово:

– Что братцы, боязно? Знамо дело, гроб чернокнижника достаём. Сейчас он нам задаст...

Как бы в подтверждение его слов удары грома раздавались всё ближе и ближе.

– Хватит болтать, Митрич. А вы, что рты раззявили – за работу. Урядник, командуй людьми.

Все вместе, солдаты и мужики, с натужным усилием потянули за верёвки, и гроб стронулся, подался, и очень медленно стал подниматься вверх, всё время за что-то цепляясь, как будто корни держали его снизу.

– Давай ребятушки, давай родимые, навались, навались.

Ребятюшки, оскальзываясь, тянули верёвки, отступая от могилы. И когда, было совсем, показалось, что дело сделано, вдруг лопнула одна из верёвок, крепко ударив стоящего первым мужичка. Он, и вся группа за ним, повалились, а гроб со страшным грохотом упал обратно в могилу.

– Ах, ты ворюга, гнилую верёвку взял на дело! – Офицер подскочил к уряднику и со всего маху врезал ему в ухо. Тот охнул и повалился в грязь.

– Барин, Фролку зашибло совсем. К фелшару его нужно... Офицер обернулся к солдатам.

– Что встали? – И показывая на лежащего мужика – Оттащите его в сторону. А ты – Схватил Митрича за шиворот, и столкнул в яму. – Заводи другой конец верёвки. Живей-живей давай, а то закопаю вместе с гробом.

Мужики кинули Митричу другой конец верёвки, тот что-то стал делать внизу.

– Посветите мне, не вижу ничего.

Солдаты поднесли факелы к самому краю и дело пошло живей. Наконец грязный и мокрый Митрич выбрался из могилы. Все, включая урядника и офицера, взялись за верёвки и, дружно навалившись, вытянули гроб на поверхность. Дождь усиливался.

– Вот так Митрич, а ты «земля не пускает...». Ну, где подвода? – офицер рывкнул кому-то в темноту. – Заснули там черти, давай сюда лошадей.

Но вместо лошадей в круг света ввалился помятый конюх, с ужасом озираясь, то на людей, то на гроб, стал мелко креститься, и запричитал как блаженный.

– Ваше бродь, лошади взбесились, не идут сюда холеры, ваше бродь, не идут сюда лошади...

– Сей секунд веи сюда лошадей, сей секунд, а то сам потащишь...

– Што хошь делай Ваше бродь, а не идут...

Дождь продолжал усиливаться и офицер стал терять терпение, он повернулся к стоявшему до сих пор молчаливому спутнику.

– Ну что, граф, будем делать? На себе не утащим, не знаю почему, но он очень тяжёлый...

– Открывайте здесь.

– Слышали? Светите сюда факелами и открывайте крышку.

– Мужики подцепили крышку лопатами, раздался страшный треск, и она съехала набок.

– Факелы сюда

– Господи Иисусе Христе и Святая Богородица, рука, рука-то у него целая.

В гробу лежал скелет в истлевшем мундире, а кисть правой руки, выглядывавшая из рукава, оказалась не тронутая тленом. Все мужики стали с ужасом креститься, не решаясь ничего больше трогать. Тут вспышка непереносимой силы озарила всё вокруг, это молния ударила прямо в крест могилы...

...

Когда я пришла в себя, мы стояли в большом зале, на первом этаже музея, где было заметно свежее.

– Ты меня напугала, побледнела вся.

– Да, голова закружилась. Сейчас уже легче.

– Хорошо, пойдём немного походим. – Она взяла меня под руку и мы пошли вместе по залам музея.

– Мне только что привиделось как раскапывали гроб Якова Брюса.

– И не удивительно, мы стоим рядом с залом, где размеща-

ется настоящий дольмен, в котором были найдены останки семидесяти двух человек, среди которых есть и детские. Говорят даже, что иногда можно слышать их плач по ночам...

– Нет, туда не пойдём, мне уже и так жутко.

Дальше помню плохо, потому что очень боялась всяких скрипов и тенейдвигающихся в след за нами. Как вышли на улицу, как я попала в общежитие, в свою комнату и в свою постель – не помню совсем. Утром проснулась в своей кровати с жуткой головной болью, но с огромным желанием рисовать...

Кабинет Рудкова

За столом переговоров, в стороне от основного письменного стола, с одной стороны расположились Рыков со своим помощником Андреем, а с другой Рудков и Танич. Секретарша поставила перед ними чашечки с чаем, блюдечко с шоколадками и вышла из кабинета, плотно прикрыв за собою дверь.

Первым заговорил Рыков, причём выражение его лица ничуть не изменилось со вчерашнего инцидента, он всё также неприязненно и высокомерно смотрел на своих собеседников, удостаивая их своим вниманием. А если принять во внимание, что внизу на парковке перед офисом, стоял джип охраны, и в приёмной, расположилось двое агентов, картина становилась законченной – Я серьёзный государственный муж, а вы – «всякая сволочь», с которой приходится общаться. В отношении Татьяны, тоже ничего не поменялось, он

поздоровался с ней ровно так же как и при первой встрече, как будто ничего и не было.

– Я извиняюсь, за вчерашнее и хочу, чтобы вы продолжили работу. – Он привык говорить значительно, тон был веский, и каждое его слово нужно было записывать, чтобы потом при выполнении, ненароком не накосячить. – Каким-то образом, вам удалось докопаться до того, до чего не смогли ни МВД, ни ФСБ вместе взятые. Не уверен, что ориентация моей дочери послужила поводом для её смерти, и уж тем более не хочу, чтобы информация об этом вышла за рамки расследования. Но факт в том, что вам удалось узнать об этом, а другим нет, что говорит о вашем профессионализме, поэтому я надеюсь, вы продолжите работу. Упреждая ваши пожелания, я готов ответить на все интересующие вас вопросы, прямо сейчас или когда это будет нужно, потому что мне нечего скрывать и я действительно намерен выяснить, что случилось с моей дочерью.

Танич, не дав ответить начальнику, сразу взяла быка за рога:

– Одно условие, которое вы уже знаете – Мы расследуем это дело, и имеем право, лезть в вашу жизнь. Вы, лезть в нашу жизнь права не имеете. Никакой слежки, ни в каком виде, если мы это замечаем – конец расследованию. Это нужно, в том числе и для того, чтобы нам точно понимать, что если такие вмешательства и слежка возникнут, значит это потенциальный противник и мы на верном пути. Это понят-

но? Теперь, я бы хотела продолжить только с Вами. – Она посмотрела на Рыкова, а потом на его помощника. – Андрей можно вас попросить подождать в приёмной?

Тот посмотрел на своего шефа, после его кивка, поднялся и вышел из кабинета. Татьяна дождалась, когда за ним закроется дверь и продолжила:

– Преступником может быть любой из вашего окружения, Вас мы пока исключили. Поэтому, как только мы обнаружим наблюдение, организованное в любой форме и под любым предлогом, даже если кто-то из ваших помощников будет говорить, что это по вашему поручению – для нас это сигнал, что мы на правильном пути, что кого-то зацепили, и мы начинаем действовать соответствующим образом. Понятно о чём я?

– Да, вполне.

– Тогда идём дальше – в каких отношениях вы были со своей дочерью?

– Думаю, что в дружеских, особенно до четырнадцати лет. После гибели её матери, моей супруги, мы жили вдвоём и я как мог, уделял ей внимание. Она всегда была сорванцом, и до какого-то момента, мне это даже нравилось. Мне нравилось, что она с удовольствием занималась спортом, включая карате, что она стремилась быть лидером и в соревнованиях и в компаниях. И это у неё получалось. Все грамоты, что вы увидите на стене в её комнате, это всё реальные достижения заработанные серьёзным трудом. Она всегда была

живым общительным ребёнком... Конечно, смерть матери сильно повлияла на неё. В первый раз она замкнулась и, к сожалению, это совпало с её взрослением, и как я понимаю с осознанием, что она не такая как все, как раз после гибели мамы. Я этого не заметил, вернее не понял, и её замкнутость, и охлаждение в отношениях со сверстниками, списал на трагедию, вызванную смертью её матери.

– А когда вы узнали о её ориентации?

– Лет пять назад, когда в её дневнике, прочитал признание в этом.

– А вы читали её дневник?

– Конечно.

– И она знала об этом?

– Конечно нет. – Он сделал паузу, вспоминая что-то. – Хотя сейчас, анализируя ту ситуацию ещё раз, могу предположить, что знала и нарочно, таким образом, открылась мне.

– И что вы сделали?

– Я вспылел, наорал на неё, и сейчас очень жалею об этом. Понимаете, ту боль в её глазах, которую я увидел тогда... Беззащитность и боль, я унесу с собой в могилу. Она закрыла себе уши, чтобы не слышать меня, а я вошёл в раж и продолжал и продолжал. В какой-то момент она посмотрела на меня, и потеряла сознание. И я вдруг понял, ЧТО я натворил, что я убиваю её. Я на коленях потом извинялся перед ней, умолял забыть и простить, но так до сих пор не уверен, что она простила... – Он замолчал. Видно было, что воспо-

минания для него тяжелы. — Извините, и теперь... когда её не стало, уже не узнаю этого.

Они посидели молча. Танич внимательно следила за генералом, за его лицом, интонацией и делала какие-то заметки в своём блокноте. А Рудков, потрясённый вырвавшимся человеческим горем, отвернулся, и смотрел в окно. Когда Рыков взял себя в руки и снова был готов отвечать на вопросы, Танич увидела это, и продолжила:

— Опишите мне ситуацию последнего года. Настроения, планы ваши и её, её окружение.

— Ну планы... Да, планы... Знаете, я раньше смеялся над фразой: — «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Теперь после второй смерти, я ни в чём не уверен, я полностью дезориентирован и опустошен. И это я, который всегда всё контролировал, и всегда знал, что надо делать. В первый раз я ощутил бессилие, после смерти жены, второй раз, когда узнал о нестандартной ориентации дочери. Я не знал, что с этим делать. Я её очень любил и понимал, что в жизни ей придётся трудно из-за этого, а я хотел уберечь её ото всего. Понимаете, если я не уберёг одного любимого человека — свою жену, то обязан был уберечь другого — свою дочь. И вот как... Да, планы... Она закончила МГУ, факультет журналистики и осталась там в аспирантуре, защищать кандидатскую. Делала всё сама, я предлагал организовать ей помощь, и денег бы даже не пришлось платить, но она наотрез отказалась. Сама выбрала тему, и сама хотела всё сделать

от начала до конца.

– А что за тема?

– Влияние классической живописи, на дизайн периодических изданий.

– Ничего себе...

– Да мудрёно, но работала с увлечением, был период, когда она практически прописалась в Третьяковке. Серьёзно увлеклась живописью и, даже, пошла на курсы по искусствоведению и рисованию.

– Насколько она была откровенна с вами в обсуждении своих знакомых? Был ли у неё кто-то близкий?

– Не очень откровенна. Именно из-за моей реакции на её сексуальность, эта тема как бы ушла за скобки нашего общения. Подруги, в смысле настоящей дружбы, у неё были. – Он подумал. – Одна точно, Саша Мальцева, с ней они ещё со школы дружили, почти до последнего времени, тут мне трудно что-то подробнее рассказать... Так чтобы кто-то приходил к ней в гости, или она у кого-то оставалась, я не помню. Излишне говорить, что мы всё это проверили весь круг её знакомых, и интернет общение в том числе, но ничего не обнаружили. Хотя, как видно, что-то упустили. Вот вам же удалось сходу узнать о её сексуальности...

– Я знаю, что вы лечили её, пытаясь исправить её ориентацию – как?

– О, и это знаете. Да, но не я пытался, и не лечить. Я давно уже смирился с тем, что есть. Она сама ходила на приём к

психологу. Это была её инициатива, я не лез.

– Это неожиданно. Ладно проверим. Тогда зайдём с другой стороны. – Не может ли её смерть быть ударом по Вам? Какие конфликты сейчас вокруг Вас?

– Ничего такого нет. И нет главного – хотя бы намёка на то, что убийство дочери совершено, как предупреждение мне.

– Это не обязательно должно сопровождаться намёками, разъясняющими причину убийства. Если вы деморализованы, то цель достигнута.

– В этом смысле да, я деморализован, но тогда это уже не передел бизнеса или влияния, это борьба на уничтожение. И как только я узнаю, что это было из-за меня, что убийство как-то связано со мной, я тут же разберусь с тем, кто это сделал самым жестоким образом, для этого есть, и средства, и возможности. Даже тот, кто мне будет намекать на это, окажется в плохом положении, я вытрясу из него всё, уж поверьте.

Вечер вчерашнего дня. Танич

– Танич, ты совсем охуела?

– Здравствуй, я тоже рада тебя слышать.

– Вся Москва гудит о твоей драке с Рыковым.

– Да ладно врать-то.

– Когда я врала? У меня телефон оборвали – кто ты, да что ты?

– Да, уже всё в порядке, он завтра приедет, к нам в офис.

Мириться будет и просить, чтобы мы продолжали расследование.

– О как. Давай рассказывай подробности, но не по телефону. Спускайся вниз.

– А где ты?

– Еду мимо, и уже заворачиваю к твоему дому, давай выходи быстрее, поговорим у меня в машине.

– Иду. – «Хорошо переодеться не успела». – Она наде-
ла туфли, которые скинула пять минут назад, взяла телефон,
ключи, и пошла на улицу. Пока спускалась в лифте, обдумы-
вала услышанное. – Надо же как быстро, долетела информа-
ция... Откуда интересно, из дома Рыкова или из нашей кон-
торы? Нужно, иметь это в виду. Наверное, от нас, помнится
ещё по телефону, она мне говорила что-то о том, что Руд-
ков собрался заняться политикой на стороне оппозиции и,
что она не советует этого делать. Тогда я не придала этому
значения, а зря. Оказывается, за нашим Виктором Михайло-
вичем присматривают, и достаточно плотно, раз Валя уже в
курсе стычки с Рыковым. Сказать об этом ему? Да, нужно
сказать, пусть будет аккуратнее.

С этими мыслями она вышла из подъезда, огляделась и
только хотела позвонить Валентине с вопросом где она, как
открылась дверь ближайшего чёрного Мерседеса и откуда-то
из его глубин, послышался знакомый голос.

– Хватит крутить головой, Танич, давай ныряй быстрее,
я заждаюсь уже.

Татьяна села на заднее сидение, где располагалась её подруга. Пока глаза привыкали к полумраку машины, Савченко по хозяйски отправила водителя покурить:

– Витя, нам нужно поговорить полчасика, сходи купи себе сигарет.

– Есть.

Водитель вышел, и как только за ним закрылась дверь, женщина в мундире схватила Танич в охапку и прижала её к себе.

– Всё та же, и даже лучше. – Она смачно расцеловала Татьяну в обе щеки, затем наклонилась, провела ладонью по её ногам, нащупала внизу, и скинула с неё туфли. Бесцеремонно прошлась руками, почти до коленей и назад, после чего положила ножки Татьяны к себе на колени, и стала массировать ей ступни – Не забыла мой массаж ещё?

– Постой-постой, почему ты в мундире, да ещё с полковничьими пагонами?

– Потому что я полковник и нахожусь на службе, даже сейчас, когда массирую тебе ножки. – В расстёгнутом пиджаке, с выбившейся рубашкой и темных колготках из под серой мундирской юбки, Валентина Петровна Савченко, полковник ФСО выглядела импозантно и сексуально. В свои сорок с хвостиком (а точнее, ближе к пятидесяти) она обладала бюстом четвёртого, а то и пятого размера, немного полной, но вполне ещё сносной фигурой, круглым симпатичным лицом и бешеным темпераментом, который перевеши-

вал всё. Она легко могла, и послать куда подальше, и погладить по головке любого, независимо от звания и возраста. И всегда, и то и другое ей шло. Было, что называется, и к лицу, и к туфлям. Она абсолютно органично крыла матом и подчинённых и начальство, причём подчинённые за это её ещё больше уважали, а начальство ещё больше ценило. С Танич их связывала многолетняя дружба, которую Савченко с удовольствием перевела бы в постель, но не складывалось. Она, конечно, дулась за это на Татьяну, но никогда не обижалась. Может быть потому, что у неё всегда было всё в порядке, в «этом смысле» и она никогда не страдала от одиночества, более того, личная жизнь у неё всегда была очень насыщенной.

– Круто.

– А я о чём? Иди ко мне, пока зову. – Говорила она, не выпуская ступни Татьяны и делая очень хороший, профессиональный массаж. – И не буду я к тебе приставать, не боюсь, так разок другой помассирую ножки. И что? Тебе убудет что ли?

– Нет, не убудет, но я сейчас усну, а ты мне должна ещё рассказать, что нарыла о Рыкове.

– Нет, это ты Расскажи мне, что у вас случилось?

– Его помощник предложил мне, приехать за материалами дела, в загородный дом Рыкова, чтобы заодно, осмотреться там на месте, и поговорить с самим Рыковым, если возникнет необходимость. А вместо этого генерал решил, что он самый главный в этой жизни и полез ко мне с вопросами

– почему я ушла из МВД...

– А, понятно и ты взбесилась... И что, по яйцам ему врезала?

– Нет, я вместо этого, в свою очередь спросила его: – «Он убил свою дочь или нет»?

– И???

– Он полез в бутылку...

– И ты врезала ему по яйцам?

– Нет, задала свой вопрос жёстче, добавив пару приёмов, чтобы он не дёргался.

– А по яйцам так и не врезала?

– Нет.

– Зря, я бы точно врезала, а потом взяла его за...

– Стоп-стоп, не увлекайся.

– Ладно. Так он убил или нет?

– Нет, не он. После чего я послала его и уехала.

– Куда послала?

– Вот зараза! Тебе всё нужно дословно пересказать? Зачем тебе такие подробности?

– Так в подробностях вся суть. Если ты сказала «идите вы в баню» – это одно, а если сказала – «пошёл на хуй мудака» – это совсем другое.

– Второй вариант.

– Вооот, это по нашему. Такие нюансы очень важны для понимания ситуации – сразу видишь всю картину событий.

– Теперь довольна, увидела всю картину?

– Ещё бы, вот сейчас, например, я вижу, даже сквозь пиджак и блузку, что на тебе надето очень сексуальное чёрное белье. А в глазах у тебя, отчётливый огонёк и, к сожалению сука, не из-за меня. Это значит, что от Лебедевой ты, слава богу, отцепилась, и положила на кого-то глаз. Говори на кого.

– Так заметно?

– А то, девушку в охоте и девушку занятую кем-то, я вижу сразу.

– Да, есть кое-кто на примете, но тебе не скажу.

– И правильно, тогда давай дальше про Рыкова.

– Нет, вначале ты расскажи откуда ты узнала про Лебедеву.

– Ничего я не узнавала, она сама пришла ко мне. После твоего исчезновения, она долго тебя искала, и в конце концов добралась до меня. Я как увидела её, сразу всё поняла, и зачем она пришла, и кто вы были друг другу. Хотя она взялась мне плести про какие-то служебные дела, да я, ей строго так, глядя в глаза: – «Не пизди мне девочка. Я, блять, вижу тебя насквозь». И ещё строже: – «Говори, блять ты такая: – Из-за тебя Танич сбежала»? Она как заревёт у меня в кабинете, я думала пиздец, еле отпоила её коньяком. Ты с ней не связывалась ещё? Она сейчас в Питере, кстати, в отделе... – Рука Валентины, нечаянно, поднялась выше по ноге Татьяны, и начала массировать верхнюю часть икры.

– Понятно, – Татьяна шевельнула ногой, прогоняя руку вниз. – Валя, заканчивай, мне это уже не интересно, Лебеде-

ва в прошлом, так что давай про Рыкова. — Рука, погладив, коленку вернулась назад.

— Вот ты вредина, всё-таки, но я всё равно тебя люблю. Ладно — Рыков так Рыков. Как ни странно вокруг него тихо. Так..., есть всякие мелочи: в Москве он отжимает бизнес у одних нелояльных чеченцев, в пользу других лояльных. Хотя какие они нахуй лояльные? Всё равно кончится всё третьей чеченской... Ладно... В Подмосковье он бодается с Громым по поводу нескольких гектар земли. А в Калининграде отнимает, у генерала из наркоконтроля, ресторан и пансионат, который тот в свою очередь, спиздил, то есть приватизировал, у государства. Но во всех этих случаях, даже если ситуация совсем обострится, дальше стрельбы дело не пойдёт. А тут яд, да ещё такой, что наши распиздяи не смогли выявить. — и продолжила задумчиво. — Если это яд конечно. Ну, разве что наркоконтроль, что-нибудь придумал...? Там у них, есть один химик бедовый...

Кабинет Рудкова продолжение.

— А как, насчёт ваших дел в Калининграде? Наркоконтроль не мог вам такое послание отправить?

Генерал, несколько долгих секунд, тяжело смотрел на Танич, во время которых она успела прикинуть, куда нужно будет врезать ему в этот раз, если он опять полезет в драку. Остановилась на ударе по яйцам, специально для Савченко, даже представила, как та будет довольна, когда узнает об этом.

– Неплохо, совсем неплохо, Татьяна Николаевна, когда надумаете менять место работы, обязательно позвоните мне.

– Хорошо, но до этого далеко, так что давайте пока не отвлекаться. Если вашу дочь убили экзотическим ядом, то наркоконтроль способен на такие фокусы, как мне кажется.

– Да, способен, но и в их случае мне бы намекнули... Хотя, вы правы, я проверю, этот вариант. Не думаю, что это займёт много времени. Как что-то прояснится, я сразу, дам вам знать.

– Хорошо. Тогда, для начала, мне достаточно информации, – я берусь за дело.

– Отлично, вот моя карточка. – Он достал из кармана визитку. – Здесь есть сотовый, так что в любой момент, звоните, любая помощь с моей стороны и так далее. Да вот, что – думаю, что вам будет удобнее, если вы будете вести дело не как частный детектив, а как действующий сотрудник МВД. Для этого вам понадобится удостоверение.

– И что? Предлагаете мне снова трудоустроиться туда?

– Нет, но удостоверение, настоящее при этом, организовать вам можно. Мало ли какие запросы понадобятся делать...

– Хорошо, пусть будет.

– Тогда давайте вернём Андрея.

Танич, поднялась со стула, подошла к двери и позвала помощника генерала.

– Андрей присоединяйтесь к нам и чемоданчик прихва-

тите, теперь понадобится. – И обращаясь к секретарше – Света сделайте мне ещё кофе, пожалуйста. – Спыхватилась, повернулась к Рудкову и Рыкову. – Кто-то ещё будет?

Оба кивнули.

– А вы, Андрей?

– Я допью тот, что был. – И обращаясь в полголоса к Татьяне. – Я смотрю, сегодня без драки обошлось?

– Так мы еще не закончили...

– О, тогда я чемоданчик возле двери поставлю, а то все руки отмотал таскать его туда-сюда.

– Хорошо. – и уже повернувшись к секретарше – Света, три кофе нам, пожалуйста. – и закрыла дверь.

Андрей, сел на своё место и, всё-таки, поставил чемоданчик ближе к стулу Танич. Она вернулась и, показывая на него, уточнила у Андрея:

– В нём всё, что я просила, включая билинг телефона?

– Так точно.

Она кивнула, и в дело включился Рыков.

– Татьяне Николаевне нужно организовать удостоверение МВД и пробить его по всем базам.

– Понял

– По всем оперативным вопросам в плане оказания помощи в расследовании, включая прослушку и прочее, к Андрею. Меня по возможности знакомить с текущими результатами, даже если их нет. Да, оплата ваших услуг будет осуществляться с одной фирмы, Андрей в курсе дела, так что

счёт тоже к нему.

Они допили принесенный кофе, обменялись несущественными репликами, после чего Рыков с помощником уехали.

Когда за ними закрылась дверь, Танич и Рудков, выждали немного, как будто опасались, что из-за двери их могут услышать. Рудков даже посмотрел в окно, на отъезжающий кортеж. После чего они сели на свои обычные места – Рудков в директорское кресло за своим письменным столом, а Танич перед ним.

– Ну что скажете Виктор Михайлович.

– Что сказать, что сказать. Ни черта не понятно. Если он убийца, то зачем продолжает расследование? Значит нет. Если не он, то первый вопрос «как?», а второй вопрос «зачем?», было совершено преступление. Очевидно, что жизнь дочери он контролировал и, если бы были, хоть малейшие сомнительные знакомства, он бы их нашёл.

– Как сказать... Видите сами, что следаки-то не нарыли ничего о её ориентации, да и папа видно не знал о её посещениях лесби клуба.

– Это да.

– Так что пороем, посмотрим. А начну я всё-таки с её здоровья и заключения судмедэкспертизы. Вторым пунктом нужно отработать версию, что это не удар по самому Рыкову, которого он, правда, не понял. Ну, всё могу идти? – Рудков кивнул, и она взяла чемоданчик – Ого, действительно тяжё-

лый. Пойду проверять тщательность следствия.

Мастерская Карташевича.

– Замечательные рисунки, просто замечательные. Сделаны в стиле начала семидесятых, когда Саврасов ещё работал в Шишкинской манере. Видите, как всё филигранно прорисовано? Это потом он стал смелее и экспрессивнее что ли, а здесь полная аутентичность времени.

– Да, здорово. Где она кстати?

– Сейчас придёт, она предупреждала, что задержится немного.

– Подождём. Сколько таких Саврасовых сейчас?

– Здесь, вот эти пять, но она говорила, что есть ещё...

– А почему Саврасов? Вы ей дали такое задание?

– Нет, сама принесла.

Открылась входная дверь и в мастерскую вошла Люба Воронина. Увидела Халитову, покраснела и растерялась.

– Здравствуйте Светлана Сергеевна. – Замолчала, не зная, что делать дальше, потом спохватилась, и добавила. – Здравствуйте Семён Яковлевич.

– Привет Люба, проходи, я специально заехала поговорить с тобой, а тут очередной сюрприз. Ты продолжаешь нас удивлять. – Она показала на рисунки – Твой Саврасов великолепен, но начать я хочу не с этого. Не раздевайся, сейчас поедem в одно место я тебе кое-что покажу. Тоже сюрприз, и надеюсь приятный.

Они вышли на улицу, и сели в машину Халитовой.

– Здесь недалеко. А пока вот тебе премия за Малявинские рисунки. – Светлана достала конверт из сумочки и передала его девушке.

Люба взяла, но не знала, что делать дальше. Как себя вести? Посмотреть, что внутри сейчас? Понятно, что там деньги, полезу считать, а вдруг она подумает, что я крохобор какой. Тогда что? Убрать, и потом посмотреть? Это тоже странно выглядит, как будто мне наплевать... – На помощь пришла Халитова.

– Не стесняйся, посмотри, посмотри сколько там.

Люба открыла конверт, и увидела пачку денег, много, очень много. – «Удобно сейчас начинать считать или нет? Наверное нет, да и какая разница, и так видно, что много. Нужно будет маме отправить. Только, что ей сказать, откуда это у меня?».

– Посчитай, не бойся.

– Это всё мне?

– Конечно, рисунки проданы, ты автор, это твой процент.

Люба неловко перебирала купюры внутри конверта, и никак не могла сосредоточиться, чтобы понять сколько там. Тем временем они приехали, машина притормозила и свернула с широкой дороги во дворы. Там, немного по петляли, между домами, и остановились возле красивого подъезда.

– Приехали.

Они вышли из машины. – «Куда она меня ведёт? К себе домой что ли? Зачем? И что делать, если там опять эта

ведьма окажется?». – Пока она задавала себе эти вопросы, они вошли в подъезд, где их встретил чистенький холл и бдительный консьерж, с которым Халитова поздоровалась, и они беспрепятственно прошли к лифту.

– К кому мы идем? – Не утерпела Люба.

Светлана многозначительно посмотрела на девушку, и ответила с интригующей улыбкой:

– К тебе.

Та совсем растерялась:

– Не поняла.

– Сейчас всё станет ясно. – Они вышли из лифта, прошли небольшим коридорчиком к приквартирному холлу и остановились у одной из дверей. Светлана не стала звонить, а достала ключи и открыла её.

– Проходи.

Люба вошла первая и осмотрелась, они попали в небольшую однокомнатную квартиру, полностью обставленную всем необходимым.

– Ну вот. – Халитова протянула ключи девушке. – Держи, квартира в твоём распоряжении. В общежитии ты больше не живёшь, нужно только съездить за вещами.

– Я не понимаю...

– Эту квартиру я сняла для тебя. Живи, отдыхай, учись и рисуй. Всё оплачено на год вперёд, потом продлим, об этом не беспокойся. А если и дальше так пойдёт с рисунками, то

через некоторое время сама себе купишь квартиру.

От этих слов у Ворониной закружилась голова, комната поплыла перед её глазами и она, покачнувшись, беспомощно осмотрелась вокруг в поисках опоры. Халитова увидела это, подхватила её под руку, и усадила на диван.

– Ты что-то плохо выглядишь, синяки под глазами, бледная. Ты не заболела?

– Нет, всё нормально. Голова немного болит. Наверное, нужно выспаться.

– Да именно это и нужно сделать, сейчас тебе никто не будет мешать. Отдыхай.

Она встала и, подойдя к окну, показала куда-то вбок.

– Удачное место. Вон там метро, идти пешком минут десять. Близко, и до института, и до нашей мастерской. На кухне всё есть, посуда, кастрюли и прочее, я проверила. Даже, кое-что купила в холодильник, потом разберёшься. Спать на этом диване, он разбирается, в нижнем ящике бельё. Так что осваивайся.

– Спасибо Вам огромное. – На глазах Любы выступили слёзы. Халитова заметила это.

– Вот это правильно, тебе в жизни выпал счастливый билет, не упусти его. Ты очень талантливый художник, с уникальным даром. Этим можно многого добиться, я помогу, Семён Яковлевич поможет, но многое зависит и от тебя. Учись, работай и всё будет. К сожалению, я знаю немало случаев, когда молодые люди с прекрасными перспективами,

вдруг шли на дно. Наркотики и прочая дурь убивают всё, и талант, и будущее, и жизнь. Сейчас у тебя появляются первые серьёзные деньги, и возможность хорошо жить, не дай себе испортить это.

– Я вас не подведу.

– Ну и отлично. Всё мне пора, давай обживайся здесь. В мастерскую сегодня можно не приходить, я предупрежу Семёна Яковлевича, но завтра как штык. Пока.

И она ушла. Люба прикрыла за ней дверь, пошла на кухню, заглянула в холодильник. Там действительно, стояли коробочки с разной снедью, в том числе и коробка с пиццей – «Надо же, она обо всём подумала» – Люба подошла к окну и стала мечтательно смотреть вдаль. – «Я не упущу свой шанс. Не упущу».

Халитова, тем временем, спустилась на первый этаж, подошла к консьержу, достала и протянула ему ещё один конверт с деньгами.

– Вот, как договаривались, и дальше каждый месяц вы будете получать такую же сумму. Мой телефон у вас есть, так что присматривайте за этой девушкой, и всё докладываете мне. Как ведёт себя, кто к ней ходит и так далее. Я обещала её родителям позаботиться о ней, так что если вдруг какое ЧП – сразу звонок мне...

Через несколько дней в квартире Ворониной

– Надо же, и стиральная машина, и посудомойка – круто. Освоилась уже?

– Да, к хорошему быстро привыкаешь.

– Понятно, по общежитию не скучаешь, значит. Покажи, что сейчас рисуешь.

Воронина достала со шкафа большую папку, в которой лежали листы с рисунками.

– Ух ты, Сухарева башня – красиво. Я не специалист по Саврасову, но, по-моему, ничуть не хуже тех, что мы видели в музее ночью.

– Да, его «Башня» произвела на меня впечатление, никак не могу отцепиться от неё, даже, когда сплю. Помнишь, я говорила в музее, когда чуть не потеряла сознание, что мне привиделось, как выкапывают гроб Брюса?

– Да, помню.

– Я уже два раза видела это во сне, а в последний раз, ещё хуже они вытащили гроб, открыли крышку, а там лежит Мария Лопухина и смотрит на меня.

– Жуть какая. Она-то здесь причём?

– Не знаю. А у Брюсова скелета, из моего сна, кисть правой руки всегда целая, и я, со страхом, жду, что она вот-вот зашевелится. Как в детских страшилках, про «синюю перчатку» или «в чёрном, чёрном городе». Почему мне снится скелет у, которого живая рука?

– Это известная история, ты её не знаешь что ли? Не может быть, наверняка слышала, и забыла, а подсознание тебе, сейчас вытаскивает это из памяти. Нет? Тогда слушай: – Начать нужно с вопроса – Почему Брюса звали чернокнижни-

ком? Потому что у него была чёрная книга знаний, которая по слухам когда-то принадлежала самому царю Соломону и никому, кроме Брюса не давалась в руки. С помощью этой книги Брюс знал всё. И сколько звёзд на небе, и сколько раз колесо телеги крутанётся по дороге, от Москвы до Киева, и главное указывала на спрятанные клады. Кроме всего прочего, в ней был рецепт эликсира вечной молодости.

Есть несколько вариантов смерти Якова Брюса. По одной версии он в исследовательских целях приказал слуге разрубить себя на части, а потом полить эти части эликсиром. После чего они должны были срастись, а Брюс ожить и омолодиться. В начале всё шло по плану, слуга полил разрезанные части и они начали срастаться, после этого нужно было полить тело ещё раз, чтобы оно ожило. Но что-то помешало закончить процесс. Опять же, есть несколько разных вариантов, что помешало. По одной версии виноват слуга, у которого, с перепугу, сильно тряслись руки, и он уронил флакон на пол. Тот естественно разбился, но несколько капель всё-таки попало на руку. А по другой, более романтической версии, закончить эксперимент, помешала жена Брюса. Она ворвалась в лабораторию, убила слугу, и забрала флакон с эликсиром. Но и здесь, во время борьбы, несколько капель попали на кисть правой руки Графа. Так или иначе, но Яков Брюс умер, а рука осталась нетленной. – Марина помолчала, наслаждаясь, вниманием Любы и продолжила. – У нас в музее, хранится его посмертный кафтан, кстати. Был ещё и

перстень, но пропал.

– Так это всё правда, и его правда выкопали?

– Да, только не из могилы на кладбище, как тебе видится во сне. В тридцатые годы, в результате реконструкции улицы Радио, сносили старую Кирху, при сносе обнаружили захоронение. Стали изучать чьё оно, и по фамильному перстню на нетленной руке, опознали, что это захоронение Брюса.

– Ничего себе... И рука действительно не истлела? Это тоже правда?

– Ну, кто теперь знает? В виде юридического или исторического документа ничего не зафиксировано, только воспоминания и легенды. Хотя, как знать. Книгу-то искали после его смерти, и Екатерина первая, и даже Сталин. При Екатерине, Сухареву Башню обыскали сверху до низу, считалось, что книга спрятана именно там, но так ничего и не нашли. А чтобы другие не смогли воспользоваться книгой, возле Сухаревой Башни поставили караул солдат. И этот караул просуществовал, аж до 1934 года. Даже после революции 1917-го года его не стали отменять. А в 1934-м году, под предлогом реконструкции Сухаревской площади, башню стали аккуратно разбирать. И есть основания думать, что делалось это не из-за реконструкции площади, башня ничему не мешала, а именно в поисках книги. В итоге, башню разобрали, а книгу так и не нашли. Но. – Марина подняла указательный палец. – Значит ли это, что книги нет в башне? Нет, не значит. Оказывается, разобрать до конца, башню не сумели.

Она стояла на таком огромном фундаменте, с которым в те годы, попросту не справились. С ним не справились и теперь, два года назад, когда строили подземный переход, под площадью. Если бы его делали по прямой, то он прошёл бы, как раз сквозь фундамент. Но, то ли пробиться не смогли, то ли ума хватило не доламывать то, что осталось, и фундамент опять уцелел, а подземный переход сделали кривым, в обход его.

– Обалдеть. На дворе 21 век, а тут такие вековые страсти кипят до сих пор.

– Это точно. Зачастую прошлое гораздо ближе чем кажется, это я как сотрудник Исторического Музея утверждаю вполне ответственно. И я совсем не удивлюсь, если Яков Брюс жив...

– Свят, свят, свят я и так плохо сплю, а ты ещё подливаешь масла в огонь. Так я вообще спать перестану. Ох голова болит.

Люба подошла к какому-то ящику в шкафу и стала копаться в нём.

– Что ты ищешь?

– Да, от головы что-нибудь. Думала чайку попьём и пройдёт. Нет, не проходит.

– О, так это ерунда, я знаю несколько точек на голове, помассировав которые, голова перестанет болеть. Садись на стул.

Воронина села на стул, а Марина встала сзади неё.

– Начинать нужно с бровей, прямо по середине. Вот так. Потом вот здесь в височной части, потом...

Люба закрыла глаза, наслаждаясь приятными прикосновениями Марининых пальцев, боль и правда, потихоньку начала отступать, но вместо неё накатываться необоримая усталость...

Танич наше время, работа с документами

«28 марта 2007 г., на основании постановления следователя прокуратуры города Москвы, юриста 3-го класса Самариной Н.М. от 27 марта 2007 г., судебно-медицинский эксперт бюро судебно-медицинской экспертизы города Москвы Боровиков И.П. произвел экспертное обследование гражданки Рыковой Анны Петровны, 22 лет, для разрешения следующих вопросов...»

«На трупе обнаружена следующая одежда: купальник раздельный, без повреждений...»

Татьяна читала заключение судебно-медицинского эксперта, и делал себе пометки: Поговорить с Самариной, Поговорить с Боровиковым...

«Труп женского пола, длина тела 174см., телосложения правильного, питания нормального. Трупное окоченение хорошо выражено во всех группах мышц. Кожный покров бледный, чистый, упругий холодный на ощупь на верхних и нижних конечностях, тёплый в подмышечных впадинах и внутренних поверхностях бёдер...»

Что же с тобой случилось? Молодая, красивая, здоровая. Глаза, правда, без блеска, даже когда фотографируется во время вечеринок с друзьями...

«На спине и других отлогих частях тела располагаются интенсивные, разлитые, багрово-синюшного цвета трупные пятна, бледнеющие и медленно восстанавливающиеся при трёх кратном пальцевом надавливании в лопаточную область. Гнилостные изменения не выражены. Волосы на голове тёмные, длиной до 40 см. На волосистой части головы повреждений нет...»

А вот во время спортивных соревнований, нормально, взгляд живой. О чём это говорит? Что у тебя не было интересных друзей?

«Кожа лица бледная.

Глаза закрытые. Роговицы мутноватые, зрачки равномерно расширены в диаметре до 0.4 см.. Кости и хрящи носа на ощупь целы. Отверстия носа и ушные ходы свободные. Рот закрыт. Слизистые губ синюшные. Зубы без повреждения. Язык в полости рта...»

Вот, совсем ранние, семейные фотографии: папа строг, мама наоборот – доброта и забота, а в целом счастливая семья, видно, что все друг друга любят...

«Шея цилиндрической формы, средней длины, без патологической подвижности повреждений не обнаружено. Грудная клетка симметричная, цилиндрической формы. Живот ниже рёберных дуг. На-

ружные половые органы развиты обычно...»

А вот на этих фотографиях, появляется замкнутость, видно, что в компании сверстников она всегда немного в стороне, фотографий, где она в обнимку с кем-то вообще нет.

«Молочные железы мягкие, соски и околососковые кружки светло-коричневого цвета, обособлены, выделений из сосков при надавливании нет...»

Вот интересное фото. Снимали не её, на переднем плане парочка влюблённых, строит друг другу гримасы. Она стоит за ними, с бутылкой воды в руке, и смотрит на кого-то вбок, очень ревнивым взглядом.

«Выделений из мочеиспускательного канала нет. Задний проход сомкнут, кожа в его окружности чистая, без повреждений. Кости грудины, ключиц, ребер, позвоночника, таза, конечностей, на ощупь без патологической подвижности и деформаций Конечности на ощупь целы. Каких-либо повреждений при наружном исследовании не обнаружено...»

Есть ли ещё фотографии из этой комнаты? На кого ты так смотришь? Нет, с этой вечеринки фотографий больше нет. Тогда нужно:

1. Выяснить кто фотографировал, и узнать есть ли у него ещё фотографии с этой вечеринки. Поговорить с ним, может что-то ещё помнит.

Если фотографа найти не удастся, то:

2. По дате и месту снимка, при показе фотографии её знакомым, постараться выяснить, кто стоял напротив столика с

водой. Только эту фотографию показывать не нужно, возьму вот эту где они все вместе. На ней тринадцать человек, семь девушек и шестеро юношей. Парочки вполне просматриваются, а наша подопечная стоит одна с краю. На фотография смотрит без интереса, да и вообще видно, что ей некомфортно.

«Каких-либо повреждений при наружном исследовании трупа не обнаружено...»

А вот ещё интересная группа фотографий, это с какой-то совместной поездки на экскурсию. Вот Аня идёт с какой-то девушкой под руку и выражение лица очень мягкое. А вот здесь они смотрят с возвышения вниз и вся поза Ани очень заботливая. Такого ещё не попадалось на кадрах. О да, она её защищает ото всех. Так, отложим это фото, нужно будет выяснить, кто это девушка.

«ВНУТРЕННЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Произведен разрез мягких тканей головы по Самсонову. Кожно-мышечный лоскут головы отсепарован разрезом от ушных раковин, через заднюю треть теменной области до надбровных дуг и затылочного бугра. Внутренняя поверхность кожно-мышечного лоскута серо-желтого цвета, влажная, блестящая, без повреждений и кровоизлияний...»

А вот и ненависть. Сквозь дым и полумрак, виден, только, её темный профиль, но настолько выразительный... Уверена, что сфотографирована сцена за секунду до скандала.

Отложим и эту фотографию.

«Головной мозг извлечен из полости черепа, вскрыт по методу Вирхова.

Мягкая мозговая оболочка тонкая, влажная, блестящая, прозрачная, сосуды ее кровенаполнены...»

Это всё, конечно интересно, но что можно сказать после изучения фотографий? Что основной круг её общения, это её сверстники. И если даже, что-то произошло в их отношениях, то убивать друг друга ядом, они бы не стали.

«При вскрытии по Лешке – Магистральные артерии шеи, вены, сосудисто-нервные пучки шеи целы.

...Свободной жидкости в плевральных полостях не обнаружено. Диафрагма цела. Лимфатические узлы шеи, ворот легких не увеличены, мягкой эластичной консистенции, на разрезе бледно-розового цвета...»

Хотя постоите-ка, вот интересные фото, и вполне свежие – за месяц до гибели. Та же компания сверстников, но она здесь совершенно спокойна. Даже появилось некоторое превосходство. Да, именно так. Вот она с кем-то разговаривает, вот сидит одна, но выражение позы уверенно-снисходительное. Язык жестов, отчётливо ясен – «я больше не одна» и «я довольна собой». Так– так, значит, у тебя кто-то появился...

« Мягкие ткани шеи, груди и живота полнокровные, серовато-красного цвета, кровоизлияний и повреждений нет.

Подъязычная кость, хрящи гортани и трахеи целые. Вход в гортань свободен. Гортань, трахея и главные бронхи проходимы на всём протяжении...».

А что нам скажет биллинг телефона?

«

Сердце плотно-эластичной консистенции, размерами 11х8х6 см. Эпикард с белесоватыми участками уплотнения. Определяются единичные точечные кровоизлияния под эпикард, в диаметре до 0.1 см. В полостях сердца темно-красная жидкая кровь. Полости сердца не расширены. Клапанный аппарат сформирован правильно, створки клапанов тонкие, гладкие».

Биллинг показывает, что перемещения по городу стандартные: фитнес, институт, дом. Вечером изредка бары, а чаще спортклуб. Вот, добавилась Третьяковка, и правильно говорил папа, посещала она её довольно интенсивно. И о чём это говорит? – Не похоже это всё на свидания. И исключений телефона, я тоже не вижу, во время которых она могла бы с кем-то встречаться. Как же это совмещается с переменной поведением на фотографиях? Пока никак, запишем себе в загадки. Очевидно, что кто-то появился, но пока как невидимка.

«Толщина стенок: левого желудочка 1,5 см, правого 0,4 см, перегородки 1,5 см. Коронарные артерии с эластичными стенками, без атероматозных бляшек. Мышца сердца на раз-

резах полнокровная, кирпично-коричневого цвета».

Рассмотрим версию с маньяком. Если она, в каком-то из этих мест, попала в поле зрения маньяка, то он, какое-то время, должен был бы за ней следить. – Она взяла блокнот и записала:

1. Попросить Андрея, проверить биллинг телефонов, оказывающихся рядом с передвижением Ани.

2. Пройтись по её маршрутам, и выявить все уличные камеры на них. После чего получить доступ к их архивам с видео,

и изучить всех прохожих рядом. Для работы с видео создать дополнительную группу.

«

Органы брюшной полости расположены правильно. Брюшина серовато-жёлтого цвета, гладкая. Петли кишечника умеренно вздуты, не спаяны между собой и рядом лежащими органами».

Ещё остаётся вариант, при котором маньяк находится в доме, среди obsługi или охраны. – Записывает – Запросить досье на каждого.

«

Каких-либо повреждений внутренних органов и костей скелета при внутреннем исследовании не обнаружено».

Постой-постой, что-то проклюнулось и убежало. Давай-ка, ещё раз разложим фотографии по времени и по группам. Вот детские, вот школьные, вот в семье дома, вот на

отдыхе с родителями, вот школьные с друзьями. Дальше институт, вечеринки, экскурсии.

«

Из трупа изъято:

1) Кровь, моча на количественное содержание этанола в СХО и наркотические вещества.

2) Кусочки внутренних органов для гистологического исследования в СГО.»

Если разложить фотографии хронологически, то чётко видно как обычный весёлый, общительный ребёнок, постепенно меняется, как отдаляется от друзей, становится одиночкой, и понимает, что он не такой как все. Вот они переломные моменты, всё видно. А вот начинается скрытая ревность и ненависть. Ясно, кто-то вызвал симпатию, но взаимностью не ответил. Вот период полного одиночества и вдруг перемена – она довольна. Я бы даже сказала – удовлетворена. И удовлетворение идёт не из повседневного круга общения. Здесь у неё нет никакого интереса в глазах, хотя компания всё та же. Зато, у неё появилось знание чего-то, что неизвестно другим. Появился некий жизненный опыт, её глаза стали взрослыми.

«При исследовании были применены общенаучные (визуальный, пальпаторный, измерительный, описательный, сравнительный) и специальные (секционные) методы. Дальней-

шее исследование приостановлено до получения лабораторных данных»...».

Ясно, что этот опыт связан с конкретным человеком. Ты привыкла считать себя изгоем, а тут вдруг всё перевернулось,

ты кому-то интересна, ты кому-то нужна. Э
то очень знакомо.

Где же ты её

встретила? Посещения лесби клуба было за год до этого, значит не там. Так-так, постой-ка, я уже считаю, что её новая знакомая и есть убийца? Нет, я так, не считаю – пока. Но найти её необходимо, потому что она, как минимум, важный свидетель.

«

РЕЗУЛЬТАТЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. При гистологическом исследовании микропрепаратов, изготовленных из кусочков внутренних органов трупа. (окраска препаратов гематоксилин-эозином, пиррофуксином по ван Гизону), установлено:

– головной мозг, мозжечок, 8 срезов – мягкие мозговые оболочки в виде отдельных фрагментов,...

2. При судебно-химическом исследовании крови из тру-

па, проведённом методом газожидкостной хроматографии, этиловый алкоголь не обнаружен (Акт судебного химика).

3. При судебно-химическом исследовании крови из трупа наркотические вещества группы опия и каннабиноиды не обнаружены (Акт судебного химика)...»

Посмотрим ещё раз видео смерти. – Татьяна включила видеозапись. – Вот она вошла в бассейн, включила противоток, легко нырнула, и достаточно интенсивно, стала плыть кролем. Пока ничего необычного.

«

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Причина смерти не установлена»

Плывёт красиво и мощно, чувствуются многолетние тренировки. Наконец вышла, выключила течение в бассейне, вытерлась полотенцем и села отдыхать. Какое-то время спокойно сидит, ничего не делает, правда, поза немного странная, как будто посматривает на кого-то во время разговора. Сама с собой говорит? Наушника нет, да и телефона рядом нет, а это, кстати, тоже странно. Сейчас, когда все висят на телефонах, ей он не нужен, и она совсем

не боится пропустить чей-то звонок. Ж

аль, звука нет. Спокойно легла и всё. Дальше пять часов без движения, пока не спохватилась охрана.

Татьяна выключила видео. – Да, удивительно, не похоже

ни на что. Если это самоубийство, то каким образом? Самоунижением? И зачем перед этим плавать? Никакого нервного напряжения, всё очень спокойно, буднично. Легла и умерла. Если отравление, то настолько безболезненно и бессимптомно, что даже странно. Тогда что же это? Если отравлен воздух или вода, то почему больше никто не пострадал? Радиация? Нет, проверили, если бы она была, то её не сотрёшь, и не смоешь – засекли бы. Ладно, пора ехать на место, смотреть всё живьём.

НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского, токсикологическое отделение. Тарханова

– Хорошо, что Вы такая молодая, быстрее найдёте с ней общий язык.

– Как она?

– Физически удовлетворительно, промывание мы сделали, по этой части проблем нет, а психологически – очень плохо. Она в абсолютной депрессии, молчит.

Елена внимательно слушала заведующую отделением, спокойно ожидая главного.

– Мы ещё не вызывали психиатра. – Она замаялась.

– Людмила Сергеевна, переходите к делу.

– К делу... – Заведующая посмотрела на посетительницу, и встретив неожиданно твёрдый взгляд, немного смутилась. «Правильно она поступила? Может быть, не нужно было влезать во всё это? Какие силы приходят в движение и как это может коснуться её? Только сейчас ей пришло в голову, ис-

пугаться, что она тоже может стать участницей этой ужасной истории. А разве она уже не стала? Разве не преступление, то, что она поставила левый диагноз взамен очевидного? Да, по команде главного врача. Да, он прижал её, намекнув, что решение о выделении средств на продолжение исследований зависит от него, и он готов помочь ей в обмен на то, что она не будет упираться с этой пациенткой. Ну и что? Это будет её диагноз, а не главврача, и это ей придётся отвечать на вопросы... Господи, о чём я думаю? Причём здесь исследования? Причём здесь вопросы? На твоих глазах происходит ужас. Ужас! И не в какой-то Африке, а здесь в Москве, можно коверкать жизнь человеку, и ты должна в этом помочь им». — Она посмотрела на Тарханову. — «Ну, а эта девушка перед тобой кто? С ней-то тебе всё понятно? Что это за организация? Чем они занимаются? Да, на звонок среагировали сразу. Да, без лишних вопросов, как будто скорая помощь. Адрес, симптомы: — ждите и делайте всё, что скажет приехавшая. Вот она стоит передо мной. Единственное, что обнадеживает, что от неё исходит такая же мощная энергия, как и от этого грёбанного сенатора. Только от него идёт — «деньги и власть решают всё», а от неё «зло будет наказано». Но есть в них и кое-что общее —

глаза. У них обоих

абсолютно безжалостные глаза, хотя и здесь, есть существенные отличия: у него глаза поддонка, который с удовольствием раздавит тебя, а у неё глаза циничного хирурга, ко-

торый безжалостно вырежет всю гниль».

– Следом за пациенткой приехал её отчим, большой чиновник, и по размеру, и по положению, даже охрану сюда притащил. Поставил нас всех на уши, сказал, что ни о каком самоубийстве не может быть и речи, что он сам со всем разберётся. И мне уже звонил главврач больницы, чтобы я не регистрировала попытку самоубийства, а написала, что это ошибка в приёме лекарства. – Она опять замолчала, собираясь с духом. – Короче, он думал, что остался один в палате с пациенткой и говорил с ней о... – Она замаялась, подбирая слова, потом решила: – Он угрожал ей. Их разговор подслушала санитарка, которая была в соседней палате, там есть смежные двери, и она всё слышала. Он говорил, девушке, что она так просто от него не отделается. Говорил, что какой-то контракт не закончен, и он не даст ей сбежать от него, ни живой, ни мёртвой. Санитарка в шоке прибежала ко мне, а я к вам.

– Почему не в милицию?

– Потому что он и есть милиция, я навела справки – он бывший зам министра МВД какой-то кавказской республики, а сейчас сенатор, член каких-то советов при МВД, и прочее, и прочее. Санитарка, о том, что услышала, рассказала только мне, но и всё – дальше этого что-либо делать боится.

– Вы говорили с пострадавшей?

– Да, но она молчит.

– Вы её осматривали?

– А да, на теле есть характерные следы от верёвок. Она была связана, так же есть синяки и ожоги, похожие на ожоги от сигарет.

– Её изнасиловали?

– Наверное да, по крайней мере половой акт был. Пока она была без сознания, я вызывала гинеколога, она взяла пробы, и в заднем проходе были обнаружены следы спермы. Но девушка ничего не говорит об этом.

– Понятно, где она?

– В одноместной палате, вот в этой, мы стоим рядом.

– Правильно, что позвонили нам. Не дёргайтесь, и ничего не бойтесь. Я пойду, поговорю с ней.

Елена без стука открыла дверь и вошла в палату. При входе оказался маленький коридорчик с дверью в туалет, дальше комната с одной кроватью и столиком рядом с ней. Напротив кровати располагался небольшой телевизор на маленькой тумбочке, а за ним незаметная смежная дверь, за которой, очевидно, и подслушивала медсестра. На кровати, свернувшись калачиком, лежала девушка, которая никак не отреагировала на появление гостыи. – Спит? – Елена села рядом на стульчик и стала рассматривать её. – Совсем ребёнок, измученный ребёнок, хотя заведующая сказала, что ей уже двадцать два. Что ей пришлось пережить? Следы от верёвок, ожоги – какой кошмар.

– Вера, проснись пожалуйста, я пришла помочь тебе.

Девушка открыла глаза, и посмотрела на Елену пустым,

равнодушным взглядом.

Елена наклонилась к ней близко-близко, и продолжила очень тихо, почти шёпотом.

– Прежде чем уйти. – Она приблизилась к самому уху. – Прежде чем умереть, ЕГО нужно наказать. Помоги мне наказать ЕГО.

– Кто вы? – Голос вялый и тихий, с трудом двигает языком, но взгляд немного сконцентрировался.

– Я охотник. Я выслеживаю и наказываю мерзавцев, вроде твоего отчима. Я знаю, что он делал с тобой ужасные вещи, и это не должно сойти ему с рук.

– Мне уже всё равно...

– А мне нет, и тем девушкам с которыми он будет продолжать делать это, тоже не всё равно. Его нужно остановить. Помоги мне.

– Чего уж теперь... Надю похоронили семь дней назад... Какая теперь разница?

– Расскажи мне что случилось.

– Вы не справитесь с ним. У него охрана, деньги, власть. Даже Бог его не наказывает...

– А мы накажем. Смотри мне в глаза и слушай: Два года назад в Екатеринбурге, посреди бела дня, возле двух девушек остановилась милицейская машина. Из неё вышел человек в форме и, показав документы, приказал им садиться в машину. Девушки, видимо что-то заподозрили, и отказались, тогда он силой стал заталкивать их туда. С одной

справился, а вторая вырвалась и убежала. Повторяю, это был день, и это был центр города, вокруг куча прохожих и никто, слышишь – никто не вмешался, хотя они звали на помощь. Вырвавшаяся девушка побежала не куда-нибудь, а в ближайшее отделение милиции, думала там помогут. Сейчас, как же, так они и кинулись ей помогать... Вместо этого дежурный с ухмылочкой сказал ей, что это не их территория, и отправил в другое отделение, а те в другое. Пока она бегала по отделениям, её подругу привезли в служебный гараж управления милиции №3, где пять человек в форме, уже сильно на веселе, поджидали своих приятелей. Дальше все они по очереди, весь день и всю ночь насиловали несчастную. Даже, когда сами были не в силах, продолжали насиловать её бутылкой. Это продолжалось долгих двенадцать часов. На следующий день, её еле живую выбросили на обочине дороги, и пригрозили, что если она будет жаловаться, то ей подбросят наркотики, и посадят в тюрьму. Чудом она не умерла на этой обочине, спасибо подобрали какие-то люди, и отвезли в больницу. Когда она смогла встать с постели, она встала только для того чтобы надеть себе петлю на шею. Слава Богу не получилось, вовремя заметили, и спасли. И она выжила второй раз. Мы узнали об этом и, так же как к тебе сейчас, я пришла к ней в палату. Она не хотела жить, а я просила её помочь мне остановить насильников, показать, кто это делал с ней. Она в ответ, как и ты сейчас, говорила, что ей всё равно, и что ничего нельзя сделать. И всё же, я её убедила. Она

показала их всех, включая того дежурного, который отфутболил её подругу.

Хочешь знать

, что с ними стало? – В глазах девушки появилась осмысленность, голос странной посетительницы проникал в неё через уши, глаза, и кожу. Он добрался до её вен, её крови, и до её сердца. Тихий голос, постороннего человека, пробил холод смерти, и стал обволакивать душу тёплой волной надежды, что справедливость есть. И есть возмездие. – Хочешь знать?

В ответ раздалось чуть слышное: – Хочу.

Лена взяла руку Веры и стала греть её в своих ладонях. – Смотри мне в глаза, и ты увидишь, что я говорю правду. – Она поймала взгляд девушки. – Они все, слышишь – все, кроме дежурного, умерли, один за одним. Перед смертью каждого, сильно мучила совесть, связывала их и отрезала мужские причиндалы. Смотри-смотри мне в глаза, и ты увидишь всё это.

Вера смотрела в чёрную бездну, и действительно видела, как подонки ревели от ужаса, и умоляли простить их, как извивались, и корчились перед лицом возмездия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.